

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

СПЕЦНАЗ

Сергей САМАРОВ

ПРОСЧИТАТЬ
НЕВОЗМОЖНО

Спецназ ГРУ

Сергей Самаров

Просчитать невозможно

«Автор»

2005

Самаров С. В.

Просчитать невозможно / С. В. Самаров — «Автор»,
2005 — (Спецназ ГРУ)

Курьеры «Аль-Каиды» привезли в горную Чечню миллионы долларов для организации новых терактов в России. Для перехвата баксокурьеров послали мобильную группу полковника ГРУ Согрина. У него миссия почти невыполнима – надо не только перехватить груз, но и выяснить, кому именно предназначались деньги. Согрин решил задачу одним махом – он появился в тот момент, когда курьеры вышли на полевого командира Малаева, и завладел деньгами. Теперь для его бойцов главное – покинуть Чечню целыми и невредимыми. А с таким грузом далеко не уйдешь...

© Самаров С. В., 2005

© Автор, 2005

Содержание

ПРОЛОГ	5
1	5
2	9
3	13
ГЛАВА ПЕРВАЯ	15
1	15
2	21
3	25
ГЛАВА ВТОРАЯ	30
1	30
2	34
3	38
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	42
1	42
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Сергей Самаров

Просчитать невозможно

ПРОЛОГ

1

Шейх держит в руках четки из черного метеоритного железа. Неторопливо, с достоинством перебирает между пальцами отполированные многолетним использованием, но все же ноздреватые и шершавые металлические кругляшки, холодные даже в самую жаркую погоду. Эти четки принадлежали еще его прадеду, и передаются из поколения в поколение старшему сыну семьи как дорогая реликвия. Говорят, в мире существуют образцы черного металлического железа только в двух экземплярах – это тот самый черный камень Магомета, священная реликвия Мекки, и черный железный столб в Индии, реликвия индуистов. И вообще метеоритное железо должно быть белым, как серебро, и, как серебро же, не поддающимся ржавчине, как оно не поддается влиянию времени. Этим оно и ценится. Кусочков метеоритов по миру гуляет много. Белых... И они в большой цене среди тех, кто любит прихвастнуть перед знакомыми. А черных больше нет. Только два экземпляра, как говорят. Но есть и третий экземпляр – эти четки... Их происхождение неизвестно. По крайней мере, ни от черного камня Магомета, ни от черного столба индусов никто не позволил бы отпиливать куски для изготовления четок. Может быть, есть или были где-то еще черные камни. Шейху неоднократно предлагали за четки сумму, превышающую миллион долларов. Он на это только улыбался с восточным терпением и не желал даже отвечать.

Реликвия... Реликвия, приносящая удачу... Разве продают удачу?

За дверью кабинета слышатся шаги по каменному полу. Гости ведут со стороны западной мраморной террасы, откуда открывается красивый вид на заходящее в пустыню солнце. Значит, он приехал не с парадного входа. Правильно. Скромный. Или осторожный. И то, и другое хорошо. С шейхом, понимая его положение в мире, следует быть скромным, а при репутации гостя, вернее, при репутации пославшего его, последнему следует быть и предельно осторожным...

Нажатием беззвучной сенсорной кнопки под блестящей поверхностью инкрустированного письменного стола из красного дерева, шейх включает кондиционер. Он включает его только тогда, когда принимает кого-то в своем рабочем кабинете. Сам он, как истинный сын пустыни, кондиционерами не пользуется.

Шаги приближаются, хотя звучат негромко.

Охрана предупреждена. В случае чего, понадобится только десять секунд, чтобы гость оказался в руках охранников. Все потому, что человек, пославший гостя, слишком хорошо известен и доброй славой в мире не пользуется. Но шейх не думает, что дело может дойти до такого. Скорее всего предстоит мирный разговор. Только вот о чем разговор? Что понадобилось этим людям от него? Он вполне мог бы и отказаться... Честно говоря, остановило и то, что совсем недавно погибли два человека, по своему положению в стране и вообще в мире большой нефти шейху равные. И в телефонном разговоре, предшествующем визиту, прозвучал отчетливый намек на это. Шейх не боится. Но он предпочитает знать, кто ему противостоит, если кто-то в самом деле противостоит. Может быть, разговор совсем и пустяковый. Просто попро-

сят несколько сотен или даже тысяч долларов на угодное Аллаху дело. С такими вопросами к нему уже многократно обращались, и шейх не отказывал. Это создало ему добрую репутацию, хотя и взрастило множество новых просителей. Но, кто подает другим, тому подает Аллах...

Резная дверь открывается плавно. Сначала входит охранник, одетый смиренным слугой. И оружия под одеждой не видно. Кланяется, впрочем, не совсем так, как положено это делать слуге.

– К вам имам Аль-Реза, высокородный шейх... – говорит охранник, не опустив глаз.

Слуга опустил бы глаза к полу. Необходимо на будущее лучше инструктировать охрану.

– Пусть входит, я жду его.

Пусть и имам – это не означает безопасности. Даже в том случае, если имам настоящий, а это вовсе необязательно соответствует действительности. Под видом имама может прийти любой, кто знает с молодости несколько страниц из учебников научного богословия.

Имам входит. Охранник остается в кабинете. Шейх бросает на имама вопросительный взгляд и сразу оценивает ситуацию. Старик... Не загримированный под старика боевик и террорист, а настоящий старик. Лицо может изобразить все, что душе угодно, но руки невозможно спрятать. Кожа рук всегда выдает возраст. И очертания. Эти руки со слабыми тонкими пальцами, увеличенными возрастом в суставах, не пригодны для владения оружием. Значит, охранника можно отпустить.

– Подожди за дверью, – распоряжается шейх. – Будет что-то нужно, я позову.

Охранник послушно выходит. И без поклона, как это сделал бы слуга. Впрочем, пусть имам думает, что каждый слуга в доме в состоянии выполнять обязанности охранника. Это не помешает, и создаст дому репутацию крепости, хотя она и без того превращена электроникой в неприступную крепость – всюду сигнализация и просмотр помещений, автоматическое перекрывание проходов в случае тревожного сигнала...

* * *

Слабо пискнув, факс в углу стола начинает принимать сообщение. Медленно выползает из него термобумага. Шейх от природы человек наблюдательный, и вообще всегда любит наблюдать за людьми. Особенно, за незнакомыми и загадочными. Так и сейчас, он протягивает левую руку к факсу, словно ждет, когда факс закончит работу и выдаст ему послание прямо в ладонь, а второй рукой делает приглашающий жест, показывая на гостевое кресло, с тонкой резьбой по такому же красному дереву, как дерево стола.

Имам смотрит в пол, хотя жест видит и ему следует, а шейх наблюдает за ним, удачно воспользовавшись временем, предоставленным ему получаемым факсимильным сообщением. Нет, определенно, этот старик – имам Аль-Реза – не представляет собой угрозы. Скорее, он похож на умного делового человека, который если и будет что-то просить, то учитывая при этом интересы шейха. Но какие могут быть общие интересы у богатого владельца нефтедобывающих и нефтеперерабатывающих предприятий с воинствующими фундаментальными исламистами? И могут ли быть общие интересы?

Шейх себя спрашивает и себе же дает ответ – наверное, могут...

Факсимильный аппарат с легким треском отрезает первый лист и начинает выдавать второй. Шейх переворачивает первый и бегло просматривает. Это обычные биржевые котировки. То есть то, что можно посмотреть и потом. Но он все же смотрит и ждет следующего листа, чтобы ожиданием заставить визитера почувствовать себя не совсем уютно. Ожидание всегда вызывает у визитеров неуверенность. Это шейх хорошо знает еще по своей молодости, когда и ему, бывало, приходилось ждать. Но шейх самообладания не теряет и совсем не выглядит неуверенным в себе. Должно быть, человек твердых взглядов.

– Я принимаю вас в кабинете, а не в гостиной, и потому не предлагаю угощения. Разговор у нас предстоит деловой... Я правильно вас, уважаемый имам, понимаю? – бегло глянув на второй лист и отметив тонкой ручкой с золотым пером две строчки, спрашивает шейх.

– Вы меня понимаете правильно, уважаемый шейх. Если вы освободились, мы можем приступить к беседе.

– Я освободился. Что привело вас ко мне?

– Деловое предложение.

– Поскольку я человек сугубо деловой, то готов вас внимательно выслушать.

– Мы хотим дать вам возможность хорошо заработать. При этом вам придется поделиться с нами прибылью, поскольку сами мы не имеем возможности участвовать в деловых операциях. Наши счета в банках по всему миру, как вам, очевидно, хорошо известно, давно арестованы.

– Сразу хочу вас предупредить, чтобы не возникало непонимания. Я промышленник, а не биржевой спекулянт, и склонности к биржевой игре не имею. А при промышленном производстве нет возможности быстро и внезапно заработать достаточно крупную сумму, чтобы окупить хотя бы свое беспокойство.

– В этом, уважаемый шейх, вы не правы. Промышленник производит товар и продает его. И регулировка цены всегда в его руках. Если он, к примеру, в какой-то период не захочет или не сможет продавать, сразу же поднимется цена на товар, и деньги заработают конкуренты.

– В этом есть доля правды, хотя и много фантазий. К сожалению, регулировкой цен на нефть в широком масштабе не в состоянии заниматься ни один промышленник.

– Вот именно такую возможность мы и хотим вам предоставить.

Шейх, по-собачьи наклонив вбок голову, думает пару минут. Наконец, когда пауза затягивается до неприличия, говорит не слишком уверенно:

– Я слушаю вас.

– Не подскажите, кто на сегодняшний день обеспечивает нефтепродуктами энергокомплекс всего цивилизованного мира? В глобальном масштабе, не учитывая мелких производителей...

– Подскажу, хотя вы и сами это прекрасно, мне кажется, знаете. Арабские страны, США, Россия, Венесуэла, Нигерия, Норвегия. Пожалуй, это все серьезное.

– И как вы думаете, что произойдет с ценами на нефть, если одновременно произойдут мощнейшие аварии на крупнейших предприятиях производителей нефтепродуктов? Техногенные катастрофы, которые невозможно в короткий период ликвидировать?

Шейх поднимает глаза от листа с котировками. Имам Аль-Реза смотрит прямо ему в лицо, в свою очередь, изучая реакцию. Взгляд пронзительный, давящий.

Теперь пауза, взятая на раздумья, длится уже больше пяти минут. И все это время они смотрят один на другого, стараясь прочесть мысли противоположной стороны.

– И чего вы хотите этим добиться? – спрашивает, наконец, шейх.

– Значительного поднятия жизненного уровня в арабских странах. Согласно нашим прогнозам, нефть в состоянии вырасти в цене в десять раз. Нефтепродукты – в пятнадцать раз. Тогда деньги рекой потекут в арабские страны. И разрушится вся инфраструктура западного мира. Хотя бы временно, но разрушится. И этого времени нам хватит, чтобы подняться до их уровня...

– Что требуется от меня?

– Частичное финансирование. Есть уже несколько человек, готовых нам помочь. Вы войдете в общее число.

– Кто эти люди?

– Без имен... Это те, кто живет вполне благополучно, и будут так жить дальше.

Намек прозвучал вполне понятно. Недавняя непонятная смерть двух нефтяных промышленников стала более ясной.

– А если я откажусь?

– Всякое может случиться... У вас может взорваться факс... На ваш дом может упасть самолет... Из водопроводного крана на вашей кухне может потечь отравленная вода... Всякое... Всякое... Трудно сказать определенно, как Аллах карает отступников от интересов веры. Определенно можно сказать только одно – неприятности произойдут сразу после моего ухода. До того, как вы сможете разгласить сказанное мной. А если вы захотите обмануть, то неприятности ждут всех ваших родственников. Всех, без исключения...

У шейха пересыхает язык. Простейшие слова он произносит с хрипом:

– Сколько нужно с меня?

– Семьдесят миллионов долларов.

– А общая сумма?

– Около полумиллиарда. И тогда весь античеловечный западный мир вздрогнет...

– Но вы сказали, что ваше предложение деловое. – Шейх предпочитает не разговаривать на шекотливые темы и легко переводит разговор в более привычное русло.

– Естественно. Вы же получите громадную прибыль... Из этой прибыли вы вычтете свои семьдесят миллионов, а из остальной суммы семьдесят процентов отдадите нам, а тридцать процентов покроют все ваши хлопоты с лихвой.

– Не много ли вы берете?

– Наши специалисты подсчитали, что ваши тридцать процентов превратятся в добрых пару миллиардов. А мы планируем на свою долю существенно потратиться на нужды благотворительности. Не для себя стараемся, не для собственных детей даже, а для всего арабского мира. Пусть остальной мир поймет, кто в состоянии хозяйничать в современности.

– Семьдесят миллионов... У меня, пожалуй, найдется столько незадействованных средств. Как вы видите практически осуществление перевода такой крупной суммы?

Шейх улыбается.

– Вы купите участок пустыни. Может быть, у вас появились сведения, что на этом участке разведаны запасы нефти... Я не знаю... Но вы купите участок у владельца.

– Я куплю его.

– И переведете деньги на его счет...

– Я переведу деньги.

2

– Так... Теперь разберемся, что это такое.

Доктор Смерть что-то бубнит себе под нос, стучит своими толстенными, как бревна, пальцами по клавиатуре, и через «Панель задач», набрав строчку в командной строке, запускает эксклюзивную служебную программу-шифратор. Подобные программы, носящие гриф секретности, инструкцией запрещается запускать с экрана через «иконки» простым щелчком «мыши» даже в том случае, если в помещении работает только один шифровальщик и не допускает к себе в кабинет никого постороннего – «иконка» на мониторе, это уже обозначение программы, в которой работают, и частичное разглашение тайны. Более того, сами программы имеют такую логическую архитектуру, что убирают из «Меню: программы» и из служебных регистров операционной системы всякие упоминания о себе. Об их существовании знает только тот, кто с компьютером работает постоянно.

– Пригнали что-то «особо срочное» из Лиона, – не оборачиваясь, сообщает Доктор входящему в офис российского бюро Интерпола Александру Басаргину, своему прямому начальнику.

– Разгребн... Стас по этому поводу не звонил? – интересуется Басаргин.

Станислав Сергеевич Костромин, комиссар Интерпола, руководитель подсектора по борьбе с терроризмом, обычно перед отправкой шифротелеграммы из штаб-квартиры, сам звонит и намеками предупреждает о направлении действия и, по возможности, дает главные ориентиры для этих действий, чтобы ускорить дело. К такой оперативной связи все в бюро привыкли, и отсутствие звонка перед шифровкой вызывает непонимание.

– Не звонил. Это не от него. Циркулярная. По всем бюро, в том числе и в НЦБ ¹...

– Наверное, кто-то продал Басаеву карманную атомную бомбу, – зевает в своем кресле Пулат. – Шамиль давно ищет таких продавцов. А теперь нас предупреждают, как особенно ценных кадров, чтобы глубже прятались...

Кресло большое, а Пулат маленький, и почти тонет между подлокотников и высокой спинки. Спрятался там, и не сразу понятно, из какого бомбоубежища раздастся его голос.

– Или бен Ладен собрался выступить на заседании Совета Безопасности ООН. – В тон «маленькому капитану» зевает неразлучный друг Пулата и бывший сослуживец по спецназу ГРУ Алексей Ангелов, которого обычно зовут просто Ангелом. – Ему, должно быть, есть, что вещать человечеству.

– В очередной раз лениво погрозить Америке пальцем, – добавляет Андрей Тобако, бывший сотрудник «Альфы» первого легендарного созыва, заходя за широченную спину к Доктору Смерть, чтобы сразу с монитора прочитать расшифрованное сообщение. – Через видеозапись, как он это и делает обычно, чтобы не утруждать себе поездками.

Еще двое сотрудников бюро – бывший спецназовец ГРУ Дмитрий Дмитриевич Лосев по прозвищу Дым Дымыч Сохатый, и бывший чеченский милиционер Зураб Хошиев – обычно чаще молчат, чем говорят, и молча ждут продолжения. Сохатый вертит в пальцах четки из разноцветных деревянных бусинок, и Зураб срисовывает с природы контур любимого «S»-образного метательного ножа Ангела. Нож, необычный, с сильным поражением даже при не совсем точном попадании, сделан из такого же мягкого металла, из какого делали когда-то бытовые «опасные бритвы», и имеет не совсем привычную внутреннюю заточку.

Выдался как раз один из нечастых рабочих дней, которые сотрудников не напрягают; но такие дни, как все знают, согласно профилю работы, не любят затягиваться. Подтверждением тому служит уже полученная входящая шифротелеграмма.

---

¹ НЦБ – Национальное бюро Интерпола в Москве.

Компьютер быстро справляется с работой, и Доктор прячет в сейф перешифрованный диск. Начинает мерно гудеть принтер, выводя убористый текст на бумагу.

– За подписью генерального директора Интерпола, – басит Доктор Смерть. С его двухметровым ростом и более чем центнеровым весом не басить от природы трудно, и любая, самая бытовая фраза, произнесенная Доктором, звучит впечатляюще и весомо, словно он постоянно пользуется спрятанным где-то под пиджаком мегафоном.

– Приятные вести, – вздыхает Тобако, уже с текстом познакомившийся. – И откуда у людей такие деньги? Мне бы хоть десятую часть этого перед пенсией занять, я не стал бы тратить их так неразумно, и вам, оставшимся на службе, не пришлось бы меня ловить.

Басаргин вытаскивает из принтера лист и тоже начинает читать.

– Полмиллиарда долларов. Что тебе десятая часть – проси хотя бы половину... Доктор, что у тебя с банковской системой?

– Ничего. Опасно и малоэффективно. У них сейчас такая защита ставится, что моей старческой квалификации не хватает. В МВД, в ФСБ, в ГРУ, в Генштаб – пожалуйста, в любое удобное время. А с банками, прошу прощенья, я справиться не могу. Ищите кого-нибудь посерьезнее и помоложе. У них мозги иначе устроены...

Доктор Смерть чуть ли не штатный хакер бюро, и его талантами интерполовцам пользоваться приходится часто. Но не всегда есть такая возможность, как в данном случае. А если уж сам Доктор отказывается, то, в самом деле, есть необходимость искать профессионального хакера.

– Придется выходить на Астахова. И даже официально, что наше начальство в Лионе не всегда приветствует. Впрочем, НЦБ само выйдет на него или на кого-то повыше. Но и нам необходимо, чтобы быть, по крайней мере, в курсе событий... Доктор, ты подготовь официальное письмо, Андрей, а ты поговори по душам со своим бывшим сослуживцем.

Генерал Астахов из штаба антитеррористического управления «Альфа» ФСБ России, часто сотрудничает с коллегами из антитеррористического подразделения международной полиции. Сам помогает и прибегает к их помощи, если это требуется. А требуется подобное часто, почти в трети всех операций службам приходится совмещать усилия, а то и подключать спецназ ГРУ, плотно задействованный там, где в России терроризм зарождается чаще всего...

– Сгоняю, – соглашается Тобако. – Мне это недолго.

Андрей любит исполнять дополнительные обязанности курьера, потому что от езды на своем «БМВ», собранном по спецзаказу Интерпола, получает удовольствие, как летчик от полета.

– Так что там случилось, – спрашивает из угла, где сидит традиционно, с первых дней своей работы в бюро, Дым Дымыч Сохатый.

– «Аль-Каида» шантажом выудила у нефтяных магнатов полмиллиарда долларов на собственные развлечения, – коротко объясняет Тобако. – Распределяет солидными траншами по разным регионам, в том числе и в Россию, но публично не сообщает, какие именно мероприятия собирается финансировать. Известно только, что первый транш в Россию ушел... Часть банковскими переводами, часть наличными долларами с курьерами через Чечню. Нас просят отследить возможные направления финансирования, принять меры по пресечению и, как это обычно бывает, снабдить коллег в других странах собственной информацией, чтобы они знали, где им предстоит искать... По традиции считается, что у нас, с нашим обязательным беспорядком, отслеживать бывает легче, чем там, где есть строгая учетность. Хотя мне кажется, что они не правы. Просто мы лучше работаем!

– И теперь нам предлагают заняться ревизией банковской системы?

– Нам не предлагают, – говорит Басаргин. – Нам приказывают искать концы в мутной воде.

– В черной нефти, – поправляет Доктор Смерть. – Если завязаны арабские нефтяные магнаты, обязательно в деле будут присутствовать нефть и нефтепродукты.

– Резонно, – соглашается Басаргин. – Значит, нам приказывают искать концы в черной нефти, а для ревизии банковской системы в стране существует финансовая разведка, подключить которую мы не имеем производственной возможности, но такую возможность имеет «Альфа», и потому мы в очередной раз напрашиваемся «альфовцам» в полезные помощники.

– Я согласен и на роль помощника. – Доктор протягивает Басаргину письмо, которое он набрал на компьютере. – Подпиши. Остальной текст можно, я думаю, отправить полностью.

Басаргин читает несколько строчек, подписывает, и прикладывает к письму лист принтерной распечатки шифротелеграммы. Тобако уже тянет руку.

* * *

Генерал Астахов звонит через сорок минут. Доктор Смерть включает на аппарате спикерфон, чтобы разговор был слышен всем, а Басаргин садится ближе к аппарату.

– Слушаю вас, Владимир Васильевич.

– Здравствуйте, Александр Игоревич. У меня здесь сидит Андрей Вадимович. Я передаю ему некоторые материалы, и хотелось бы, чтобы вы в срочном порядке проинформировали свое руководство в Лионе. У нас есть в руках хвост, за который мы пытаемся ухватиться. Вернее, мы уже ухватились, но завершающую фазу проводят войска и спецназ ГРУ. Но это только один хвост. С наличными долларами. Что касается безналичных... По России данных пока не имеем, хотя включаемся в работу. Но есть данные по СНГ. Зацепка, которая кажется на первый взгляд парадоксальной. Тем не менее мы не можем игнорировать факты. Это тесно связано с поездками Рамсфелда ² по некоторым бывшим союзным республикам. Андрей Вадимович вам все расскажет...

* * *

Еще через сорок минут возвращается Тобако. Несмотря на традиционные московские дорожные пробки, он всегда умудряется передвигаться по московским улицам быстро и не опаздывать.

– Рассказывай, Меркурий, вестник богов, – мрачно требует Доктор и смотрит на часы, показывая, что время у него ограничено. Доктор недавно перевез в Москву жену, и теперь иногда старается вырваться с работы вовремя, чтобы успеть вовремя же домой, и частенько публично завидует Басаргину, которому до своей квартиры достаточно от двери офиса перейти небольшой общий коридор.

Тобако сначала устраивается в кресле Пулата, но, встретив серьезный осуждающий взгляд «маленького капитана», пересаживается за свой обычный рабочий стол. Пулат, во избежание дальнейших покушений на свое законное место, сразу же садится в кресло. И всем своим видом показывает удовлетворенность сговорчивостью Андрея.

– Кто в курсе, что сейчас творится в отношениях американцев с Азербайджаном? – Андрей задает общий вопрос, предваряющий его выступления. Но ответа ждет, показывая этим, что вопрос не риторический.

– Американцы рвутся там обустроить свои военные базы, чтобы плотнее «обложить» Иран, – говорит Ангел. – Ты это имеешь в виду? Судя по всему, у них это получается, хотя Азербайджан долго уже маневрирует между Россией и США, стараясь угодить и тем и этим, и

---

² Рамсфелд – министр обороны США.

никого не обидеть. Но американцы обещают им помочь с Нагорным Карабахом, чего Россия себе позволить не может, не испортив отношений с Арменией. А Армения, в свою очередь, выбрала позицию России и надеется на ее защиту...

– Хорошо. Это я сам знаю. Более конкретных сведений, как я понимаю, нет?

– Мы не занимались этим вопросом.

– А что творится в отношениях чеченских боевиков и Азербайджана? Это уже может касаться нас напрямую, и потому, я думаю, здесь могут быть более конкретные сведения.

– Все, что есть, тебе известно. Ты сам там был недавно. Официально, Азербайджан вообще не подозревает о присутствии боевиков на своей территории и только оказывает гуманитарную помощь беженцам-единоверцам... Неофициально, финансирует деятельность нескольких госпиталей и зимних баз отдыха и даже, если мне память не изменяет, двух учебных центров, где готовят чеченскую молодежь. Не для боевых действий, но... Как бы это сказать... Морально воспитывают будущих моджахедов. Более подробной информации у меня тоже нет. – Ангел ждет продолжения разговора, остановившись прямо напротив Тобако.

– Более подробно можно говорить только о поставках наркотиков из Азербайджана в Россию через Чечню, – говорит Басаргин. – Отлаженная цепочка работает более четко, чем поставки через Дагестан или напрямик через Каспий в Астрахань. Азербайджанцам традиционно труднее договориться с дагестанцами, чем с чеченами.

– Прекрасно... Это говорит все же о тесном сотрудничестве. Вот в этом генерал Астахов и видит парадокс... Но есть ли он?

– Какой парадокс?

– Тот самый парадокс, который первоначально не вписывается в структуру взаимоотношений азербайджанских властей и чеченских боевиков. Мы лишний раз получаем подтверждение, что боевики действуют не самостоятельно, а по указке международных террористических организаций и с их финансовой помощью, потому что они идут на откровенный акт разрыва отношений с азербайджанцами, чтобы угодить своим покровителям из «Аль-Каиды».

– Говори конкретнее, – требует Доктор.

– У Асафьева есть проверенные сведения, что чеченские боевики, временно обосновавшиеся в Азербайджане, получили приказ о проведении крупных терактов на территории республики и реальную финансовую подпитку в размере пятнадцати миллионов долларов. Предположительно, теракты должны затронуть нефтеперерабатывающий комплекс республики, что вполне вписывается в происхождение получаемых денег. Таким образом, мы имеем право предположить, что и некоторые другие теракты будут связаны с нефтеперерабатывающей промышленностью. Причем не только в России. Основанием для таких утверждений может служить небывало крупная сумма, выделенная «Аль-Каидой», и широкий масштаб проведения мероприятий, о чем нас сегодня предупредили из Лиона. А источники средств могут быть и совсем не жертвами шантажа, а участниками мероприятия, поскольку напрямую просматривается цель – существенное повышение цен на нефть и нефтепродукты. Азербайджан не последний поставщик бензина на мировой рынок, хотя и не самый крупный.

– Значит, наша задача определяется более четко, – решает Басаргин. – И я прошу всех подумать о путях возможного поиска.

– Подумаем, – обещает Доктор, выключая компьютер и поднимаясь из-за стола.

3

Вечер приходит уже поздно, и свет желтых фонарей с улицы проникает сквозь полосы неплотно прикрытых пластин жалюзи. Обыкновенный московский офис... Не слишком большой, но достаточно уютный внутри, хотя расположен в старом и отнюдь не впечатляющем снаружи здании бывшего заводоуправления. Евроремонт дороговато обошелся, но дело того стоит. Престиж обеспечивает дивиденды.

Вечером здесь нет обычной дневной суеты. Служащие уже разошлись, только в кабинете президента компании горит свет большого торшера над журнальным столиком, с двух сторон огороженным глубокими креслами, да настольная лампа на рабочем столе описывает свой привычно четкий круг.

В одном из кресел сидит задумчивый человек восточной наружности. Курит сигарету за сигаретой и тушит окурки в переполненной пепельнице. Телефонный звонок вырывает его из задумчивости и заставляет вздрогнуть. Человек проходит к рабочему столу и снимает трубку.

– Да... Да. Я жду их... Пропустите... – голос резкий, недовольный.

Это звонит внешняя охрана. Она не имеет к офису никакого отношения. Охрану содержит другая фирма, которая купила когда-то здание у разорившегося завода и сдает в аренду помещения всем, кому требуется, а кое-кому в дополнение и за дополнительную оплату обеспечивает еще и «крышу».

Человек восточной наружности возвращается в кресло и закуривает новую сигарету. Через три минуты, требуемые для того, чтобы от проходной подняться на третий этаж и пройти по коридору, раздается стук в дверь.

– Заходите, – громко говорит человек восточной наружности.

Дверь открывается, и заходят двое. По внешности, земляки хозяина кабинета. Здравуются уважительно, улыбаясь с приветливостью. Видно разницу в поведении. Хозяин кабинета сух и неулыбчив перед ними.

– Я вас давно жду. Деньги пришли. И большие. Надо срочно это дело провернуть. И очень тихо. Поэтому даже охрану не дам...

– А машину?

– И без машины обойдетесь. Обналичите и сразу ко мне. Домой. Не сюда. Здесь тоже никто знать не должен. Вообще. Никто... Ни здесь, ни в другом месте...

– Много денег-то?

– На каждого по полмиллиона баксов.

– Как же их тащить по городу?

– Так и тащите. Никто не подумает, что такие деньги просто так носят.

– А бухгалтер как? Она-то знает...

– Она завтра уже не работает. Уволилась... По болезни... Все поняли? Завтра с утра в банк. Потом ко мне домой.

– Понятно. Чего не понять...

* * *

Звонок на пульт к дежурному отделения милиции поступил в двадцать три часа сорок две минуты. Дежурный капитан человек аккуратный и время всегда фиксирует до минут. Так и сейчас – сразу смотрит на часы и отмечает время в журнале.

– У нас тут человека застрелили, – сообщает ленивый сонный голос. И ждет, когда его начнут с интересом и дотошно расспрашивать. Самому говорить лень.

– Где? – спрашивает дежурный.

Голос называет адрес.

– Бывшее здание заводоуправления... Этот... Чечен он, кстати... Александр Камалов... На работе задержался... К нему еще два чечена приходили... Сорок минут назад ушли... Этот... Камалов... Вышел, только к машине подошел, его и того... Шлепнули... Два выстрела... В спину и в голову... Контрольный... Я на стрельбу вышел, но уже никого не увидел...

– Кто сообщает?

– Охранник. Дежурю я тут.

– Оцепите место... Никого не подпускайте...

– Вот еще! Я на посту, не могу оставить. Сами торопитесь. Показания я дам, не бойсь.

Дежурный привык к такому «уважению» в собственный адрес и не отвечает на реплику. Срочно вызывает группу быстрого реагирования и выездную бригаду, не давая оперативникам доиграть последний круг в «храпа»³.

* * *

Володя, следователь из отделения уже с места происшествия, совершив предварительный осмотр, звонит в окружную прокуратуру. Разговаривает с дежурным:

– «По тяжести» это ваше дело. Если ваши хотят «горячее» посмотреть, пусть едут.

– Я пришлю, – обещает дежурный.

Следователям отделения никогда не хочется связываться с «долгими» делами. А прокурорские следователи обычно желают принимать у них сложные случаи только после того, как менты завершат оперативную работу. Всегда приятно, когда за тебя другие бегают в поте лица.

Володя подзывает к себе командира группы быстрого реагирования.

– Проскочите по ближайшим улицам. Два чечена приходили незадолго до убийства. Вообще, «пошерстите» всех черных. Одних не найдем, подвернутся другие. Все одно – польза...

– Сделаем. – Командир группы любит такую работу и направляется к своей машине бегом.

Район прочищается быстро и основательно. За вечер и ночь задерживаются семеро лиц кавказской национальности, двое с наркотиками, двое с пистолетами, трое просто с ножами. Но внятной версии убийства все равно не просматривается...

Ясно, что это – «заказ». И еще ясно, что это очередной «висяк»⁴. Володя хвалит себя, что вовремя позвонил в окружную прокуратуру.

---

³ «Храп» – быстротечная простая карточная игра.

⁴ «Висяк» – дело без перспективы раскрытия.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1

– Надо же! Радоваться бы такой погоде, а тут... – вздыхает подполковник Афанасьев.

– Радоваться надо всему, иначе не выживешь, – возражает подполковник Сохно. – В тебя стреляют со всех сторон, а ты радуйся, и принимай это за детскую игру.

Мартовская слякоть и рыхлая, со снегом перемешанная грязь утомляют больше, чем доставляет удовольствия по-южному яркое солнце, обещающее скорый приход тепла. Конечно, солнце подполковник Сохно тоже любит и с удовольствием смотрит вокруг, жмурясь от отраженных снегом остатков преломленных лучей. И даже на само солнце иногда бросает короткий взгляд – короткий потому, что даже временно ослепнуть не желает, что в такую погоду совсем немудрено. Слишком яркая весна пришла, слишком активная после многоснежной зимы. И от этой яркости иногда теряешь на короткие мгновения зрение. А это никак не годится в той обстановке и в тех местах, куда забралась отдельная мобильная офицерская группа полковника Согрина. И, после короткого взгляда на солнце, необходимо сразу в течение нескольких секунд смотреть на темную крону елей, густо покрывших склон горы ниже тропы, которую группа для себя выбрала. Только тогда зрение восстанавливается.

Третьи сутки изматывающего темпового маршрута с тяжеленными рюкзаками за плечами...

Третьи сутки почти без сна месят полковник и два подполковника грязь, перемешанную со снегом – монотонно, нудно, утомительно...

И при этом пересекают несколько селеопасных и лавиноопасных участков, но все, слава Богу, обходится благополучно, хотя где-то за спиной однажды слышали мощнейший природный шум. Люди так шуметь не умеют. Так величественно шумит, нарастая до леденящего кровь звука – прекрасно знают все трое! – только сорвавшийся со склона подтаявший снег, превратившийся в грязевой поток. В поток, сметающий на своем пути все...

Весна в горах время опасное!

* * *

Полковник Согрин, идущий в этот момент первым, останавливается, переводит дыхание с легким прокашливанием, и разворачивает планшет, где под пленкой раскрыта на нужном листе топографическая карта местности. Конечно, по-доброму-то, в такое время года лучше всего идти по карте свежей космической съемки, чтобы точнее ориентироваться. Но не всегда она под рукой оказывается. Да и космическая карта тоже не все будет правильно показывать, потому что с таянием снегов многое меняется прямо на глазах. В том числе и тропа – сползает по склону вместе со снегом, как живая, одушевленная, наделенная ленивым сознанием, добавляя в маршрут новую опасность – оползня.

Короткий взгляд в карту. Память полковника не подводит, и он легко определяет, что пора переворачивать ее на следующий лист – дошли до сгиба. Он вытаскивает карту и выполняет нехитрую процедуру. Теперь можно рассмотреть и то, что предстоит им впереди, хотя это все уже многократно рассмотрено и изучено досконально – указательные пальцы каждого многократно исследовали каждый сантиметр обозначенной на бумаге тропы.

– Еще час пути, – говорит подполковник Афанасьев, которого товарищи обычно называют Кордебалетом, по прозвищу, прочно укрепившемуся за подполковником еще со времен

вьетнамской войны, когда он пришел младшим лейтенантом-шифровальщиком в группу тогда старшего лейтенанта Согрина ⁵.

Подполковник Сохно, идущий замыкающим, тоже заглядывает в карту. Видит, как палец полковника находит на тропе нужную точку, обведенную красным карандашом, и от этой точки спускается левее – здесь им тропу покидать и по снежному склону спускаться в ельник...

Сохно смотрит на часы.

– Значит, шесть часов будем отсыпаться. – И он громко и сладко, как довольный собой самодостаточный кот, зевает.

– А если этот парень чуть-чуть задержится, мы будем отсыпаться, судя по всему, еще и ночь. – Кордебалет зевает в тон Сохно. – Ночью с той стороны идти только дурак решится.

Все переглядываются, потому что не в первый раз заходит об этом разговор.

– Но он может и решиться. Как ты, и как я, как любой из нас троих, – говорит Сохно.

– Можно подумать, ты знаешь, кто рвется с нами встретиться? – усмехается полковник.

– Я не могу знать. Я могу только чувствовать, что хочу крепко обнять этого человека. А он меня. Давно не виделись. Так нам сказали. И я чувствую. Можете не верить, но – чувствую...

– Мало, что ли, арабов стажировалось у нас... – Согрин плечами пожимает.

В самом деле, спецназовцы арабских стран не однажды еще в советские времена проходили стажировку в спецназе ГРУ. Особенно это касается иорданского спецназа, который даже натаскивался в те времена по советским пособиям, носящим гриф «секретно», и под руководством советских многоопытных спецов.

– А ты вполне уверен, что он по крови араб?

– Я почему-то думаю, что он по крови на четверть болгарин.

– Ты имеешь в виду младшего Ангела ⁶?

– Пока я с ним не встретился, я не могу быть ни в чем уверен, и никого не хочу иметь в виду... Не сбивай дыхание.

Дыхание... Это просто отговорка человека, не желающего продолжать беспочвенный разговор, потому что сбить дыхание Сохно, кажется, невозможно. По крайней мере, он сам такого момента в собственной богатой на события истории не помнит. Уставал, как загнанный жеребец, до пены на губах – это бывало, а вот чтобы усталость заставила его остановиться – нет, до такого подполковник еще не дожил.

– Я, честно говоря, другой встречи ожидаю, – все же возражает Сохно. – Младшего Ангела я едва знаю и обниматься с ним не намерен. Но, помнится, знал я человека, который всегда в последнее время появлялся неожиданно, и всегда в нужный момент. Он, кстати, если мне память не изменяет, вынужден был работать инструктором в Саудовской Аравии...

– Чувствуешь?

– Чувствую...

– Это нереально, – сухо возражает полковник, и первым продолжает путь, добавляя в завершение фразу уже через плечо: – А фантазии я себе могу позволить только во время длительного отдыха, валяясь под одеялом.

Тем не менее Согрин откровенно задумывается, видят оба подполковника. Значит, пришедшая в голову Сохно мысль все же засела и в его голове.

Группа идет трое суток почти без остановок. Пятнадцатиминутные мгновения отдыха, когда только успеваешь закрыть глаза, и уже следует вставать, чтобы топтать дальше – в счет брать трудно. Кроме того, эти пятнадцатиминутки предназначены только для двоих, потому что третий в это время охраняет отдых товарищей. Все движение представляет собой обыч-

---

⁵ Действие романа «Закон ответного удара».

⁶ Сергей Ангелов, руководитель оперативной группы антитеррористического подразделения ООН «Пирамида», второстепенный герой нескольких романов серии, сын бывшего спецназовца ГРУ, ныне сотрудника Интерпола Алексея Ангелова, героя нескольких романов серии.

ный идеомоторный акт – когда не думаешь о пройденных километрах, а только месидь снег с грязью под ногами, отключившись от действительности. Иначе в таких маршрутах ходить невозможно – никаких сил не хватит, когда начнешь свои силы мерить.

* * *

Трое с половиной суток назад мобильную группу полковника Согрина вертолетом сняли с маршрута свободного поиска, не позволив выполнить уже подготовленную операцию по захвату двух боевиков, скрывающихся в горном селении, и доставили в Ханкалу в штаб контртеррористической группировки. Инструктаж давал незнакомый полковник ФСБ, не представившийся по той, видимо, причине, что считает, будто его должны все знать. Впрочем, это могло бы быть и не так. У старших офицеров ФСБ бывают причины не представляться... Но других офицеров и двух генералов, присутствующих при инструктаже, спецназовцы знали хорошо, в том числе и начальника оперативного отдела контртеррористической группировки, и заместителя начальника штаба. С этими лицами приходится постоянно и тесно взаимодействовать.

– Задача невыполнимая, – начал полковник чрезвычайно мрачно и серьезно.

– Тогда зачем нас сняли с маршрута? – невинно поинтересовался Сохно. – Мы уже почти сделали дело, а тут...

Полковник не ответил, только бросил сердитый взгляд в сторону подполковника.

– Тем не менее мы надеемся, что вы сумеете с ней справиться. Как мне доложили, в стране и в армии не найти более подходящих кандидатур для такого именно задания. Вы должны все силы приложить, чтобы справиться. Потому что нет другого выхода, а важность задания чрезвычайная. Если есть необходимость, мы усилим вашу группу опытными бойцами, если такой необходимости нет, будете работать своими силами. Но, по крайней мере, на значительное усиление вам рассчитывать не стоит, потому что большая группа станет более заметной. А задача ставится такая, чтобы остаться именно незаметными, и сделать свое дело...

Хоть это порадовало. Обычно командование наоборот считает – чем большие силы задействованы, тем вернее результат. А уж спецназовцы лучше других знают, что это часто бывает наоборот.

Полковник развернул на столе карту. Ту самую, что потом перекочевала в планшет Согрина. И ткнул пальцем в условные обозначения – склон горного хребта. Нечетким пунктирным контуром выделено что-то. Очевидно, это не объект на поверхности земли...

– Пещеры? – интересуется Сохно, ухмыляется и переглядывается с товарищами. По работе в пещерах и по ведению в них боевых действий он считается главным специалистом. И вообще группа Согрина уже несколько операций проводила в пещерах. Удачный опыт есть!

– Да, – объясняет полковник. – Большое пещерное образование с разветвленной естественной и искусственной системой сообщения, запасы воды не самого лучшего качества – с сероводородом, но, в общем, если нос как следует зажимать, для питья пригодна, к тому же и полезна – множество минеральных солей, спасающих от гастрита и язвы... Но вам не ставится задача начать боевые действия под землей... Впрочем, о пещерах потом поговорим особо. Сейчас я объясняю предварительное положение вещей и прошу вас быть предельно внимательными. Посмотрите... – показывает полковник карандашом, как указкой. – Очень сложный район для прохождения. Практически нет населенных пунктов. А те, которые есть... Те, которые есть... Жители в них настроены к нам крайне недоброжелательно. И любой ваш неосторожный шаг, если он будет замечен, станет сразу же известен боевикам.

– По моим данным, в этом районе сейчас никого нет, – возражает полковник Согрин. – Я хорошо знаю эти места. Мы там действовали год назад, и рядом – чуть позже... Сейчас

несколько отрядов, действовавших в том районе, перебрались частично в Грузию, частично рассеялись по домам до летнего времени.

Полковник уточняет интонацией:

– Пока нет никого. И еще четверо суток не будет. Но – идут... Именно туда идут.

– Уже идут? Рановато, надо заметить. Не иначе, с какими-то мыслями. В противном случае им просто опасно концентрироваться, – делает вывод Согрин.

– Будем рады знакомству, – добавляет Сохно и широко улыбается. У него, как и у двух его товарищей, лицо черное от горного загара. И вокруг глаз собраны во множестве светлые морщинки. Среди снегов невозможно не жмуриться на солнце. А когда жмуришься, загар на лицо ложится неровно. И этим спецназовцы внешне разительно отличаются от других офицеров, штабных.

Кордебалет, как обычно, молчит, слушая.

– Концентрация боевиков намечается временная, – полковник ФСБ оглядывается, словно спрашивая согласия остальных офицеров на продолжение собственной речи. – День два, и они, если им позволить, разбегутся. Дело здесь вот в чем. Известные нам спонсоры выделили на проведение террористических актов в летний сезон двадцать пять миллионов долларов. Очень большие деньги в сравнении с тем, что выделялось раньше. Следовательно, и задачи ставятся необычные... Неизвестные нам задачи! Но нам известно, что деньги на настоящий момент уже находятся в Чечне. Известен даже путь доставки... Но мы, к сожалению, опоздали буквально на несколько часов, чтобы захватить курьеров – осведомители, как это, к сожалению, часто бывает, оказались медлительными. И деньги уже в горах... И мы не знаем, у кого они... Но мы знаем другое, что предоставляет нам последний шанс в корне пресечь множество терактов в российских городах и на территории самой Чечни! Мы знаем, что состоится некое подобие съезда активных террористических групп, где будут эти деньги делиться. Съезд будет проходить именно здесь... – Карандаш полковника несколько раз утвердительно и категорично стучит тупым концом по контуру пещерных образований в карте.

– Рисковые ребята, – радуется чему-то непонятному Сохно. – В эти места весной не каждый добровольно пойдет. Там селеопасные участки друг друга погоняют. И усердия при этом не жалеют...

– Резонно. Я вашу мысль принимаю и понимаю. И боевики – тоже... Именно это, очевидно, и сыграло решающую роль в выборе места. Террористы считают, что мы не подумаем о таком опасном лагере. И потому именно его выбрали. За свою безопасность они уверены. Группы располагают опытными проводниками, знающими там каждую пядь земли.

– Наша задача? – напрямую спрашивает Согрин, всегда предпочитающий более конкретную постановку вопроса.

– Ваша задача является составной частью общей задачи. Общая же задача такая – дать боевикам возможность собраться, припереть их к хребту и там уничтожить с применением авиации, артиллерии, и войсковых соединений...

– А пещеры? Если они дойдут, то...

– А пещеры – это и есть задача вашей группы. По нашим данным, с этой стороны хребта есть три входа в пещеры. Их необходимо взорвать и завалить тогда, когда боевики подойдут уже достаточно близко, и стянутые в район войска успеют завершить блокирование всех выходов. Момент взрыва – самая большая сложность в выполнении задачи. И для этой цели выбрали именно вас, как наиболее надежных... Если взрыв произойдет раньше времени, войска не сумеют завершить блокирование, и боевики смогут уйти. Если совершить его поздно, то вы сами не сможете уйти с места действия, потому что взрыв неминуемо повлечет за собой сход массы подтаявшего снега и селевой поток. Если вообще его не совершать, то они, как вы правильно заметили, уйдут в пещеры, и там их можно будет безрезультатно искать в течение десятков лет...

– Приятная перспектива. – Сохно чешет нос кулаком. – По крайней мере, наша группа тогда до самой пенсии без работы не останется...

– Другая сложность в том, – продолжает полковник, – что забросить вас туда вертолетом нельзя. Вертолет может спугнуть боевиков, и они просто изменят место встречи, а мы не сумеем вовремя узнать новое место. Сами понимаете... Значит, придется трое или даже четверо суток тащить на себе солидный груз взрывчатки. И вы должны пройти хотя бы за сутки до них, чтобы на следующий день ваш свежий след на не слишком популярной тропе подтаял и выглядел старым.

– Бедные мои узенькие плечики, – теперь Сохно растирает себе широченные плечи.

Полковник на его реплики внимания не обращает. Или уже слышал, что это обычная манера поведения подполковника со старшими по званию, или уже просто привык, определив по нескольким словам характер человека. С опытными офицерами ФСБ такое случается.

– Третья сложность. Координация действий будет проводиться только после завершения блокирования и строго в зашифрованном режиме – выбор пал на вашу группу еще и потому, что среди вас есть шифровальщик... По данным нашей разведки, в одном из отрядов боевиков есть современные американские высокоэффективные переносные средства радиоперехвата. Поэтому работать придется даже без обычных «подснежников»⁷, если не хотите, чтобы вас услышали.

– Но мы можем и захотеть, – говорит Сохно.

Полковник согласно кивает, понимая Сохно с полуслова.

– Мы допускаем варианты радиоигры. Но проводить ее возможно тоже только после завершения блокирования. Вот так, товарищи офицеры. Это почти все. Дополнительные данные получите недалеко от места действия от опытного законспирированного агента, работающего у боевиков. Встретитесь с ним в условленном месте, – полковник, почти не глядя, тычет пальцем в карту. – Он и будет усилением вашей группы... Что касается дополнительного усиления...

– Не надо. – Согрин был категоричен.

– Не надо – значит, не надо, – согласен полковник ФСБ.

Сохно тоже заглядывает в карту. Смотрит недолго. Плечами пожимает.

– Местная агентура – это всегда хорошо, но не всегда надежно. Там посмотрим, что это за фрукт... Как мы узнаем его?

Полковник делает значительную паузу, подчеркивая этим важность последующих слов.

– Он вас знает... Лично... Это, кстати, и его собственная просьба – задействовать в операции именно вас...

– И этого замечательного человека зовут?... – интересуется Кордебалет.

– Этого не знаю даже я, – говорит полковник. – И не могу вам дать никаких конкретных данных относительно личности и даже внешности этого человека. Единственное, что мне известно, официально – он арабский наемник. Говорят, когда-то преподавал в Саудовской Аравии диверсионное дело, и считался жестким, но лучшим инструктором в диверсионной школе. Его выпускники и сейчас гордятся, что прошли такую суровую школу. По крайней мере, так нам сообщал один из пленных наемников-арабов. Кто этот человек в действительности – это, как вы понимаете, совсем не важно ни для вас, ни для меня, ни для окружающих!

Полковник умышленно сделал ударение на последнем слове, будто бы он-то знает и кое-что еще, но говорить во всеуслышание не намерен.

– Пустяк, казалось бы, а все равно приятно пользоваться международной славой, – смеется Сохно. – Хотя никогда не думал, что имею авторитет в арабских странах. Среди чечен –

---

⁷ «Подснежник» – миниатюрная коротковолновая персональная радиостанция короткого радиуса действия.

было дело. Когда я уже не был капитаном, они меня звали капитаном. В антракте между двумя войнами⁸. А вот арабы...

– Я знаю только, что это агентура, но агентура не наша, хотя и нам дает сведения, – уточняет полковник ФСБ.

– И не наша, – говорит Согрин. – Иначе он сотрудничал бы с нами...

– Я даже не знаю, чья это агентура. Слышал, что это человек, вроде бы, из какого-то спецподразделения ООН.

– Антитеррористическое подразделение «Пирамида»? – предполагает Кордебалет. – Тогда понятно и знакомство с нами. Мы сотрудничали...

– Может быть. Я не знаю. Итак, вопросы по существу дела есть?

– Естественно. – Сохно опять, теперь уже более энергично, чешет кулаком многократно сломанный нос. – Как нам без вопросов. Нам без вопросов не прожить.

– И вот первый вопрос, – сразу приступает к делу полковник Согрин...

* * *

В рюкзаках запас взрывчатки для основательного завала всех входов в пещеру – плечи на привале, кажется, взлетают, когда с них сбрасываешь тугие лямки. И самому без груза взлететь хочется, как воздушному шару, – такая легкость в усталых ногах появляется... И это несмотря на то что рейдовое снаряжение само по себе на полста килограммов тянет. Взрыватели, естественно, в стандартных крепких коробках с жесткими внутренними ребрами, в рюкзак со взрывчаткой эти коробки не положишь – и они рассованы по карманам «разгрузки». Взрыватели имеют обыкновение показывать свой вспыльчивый характер при ударе. Потому лучше не падать так, чтобы жестко соприкоснуться карманом, загруженным такой коробкой, с чем-то жестким. И, случись бой, не стоит на бронежилет рассчитывать... Трижды беречься надо, чтобы взрыватели не сработали от детонации. Сдетонируют они – конечно, не убьют, спасет бронежилет. Но в этом случае вопрос стоит даже не в том, что себя сберечь хочется, а в том, что без взрывателей группа выполняет бесполезную работу – тащит груз, которым не сможет воспользоваться...

К месту поворота с тропы они подходят, как и рассчитывали, через час. Но еще за десять минут до этого Сохно начинает беспокойно поглядывать влево вниз. Словно чувствует, что кто-то оттуда за ними наблюдает.

Согрин смотрит на часы.

– Привал делать не будем.

Молчание звучит красноречивым согласием. Им осталось всего-то – спуститься до леса. Это минут сорок пути в нормальное время года, даже в разгар зимы и в пору морозов. Но спускаться предстоит по вязкому подтаявшему снегу, по целине, утомляющей больше, чем несколько часов прохождения тропы. Кроме того, следует быть особо осторожным, потому что снежный наст в таких местах имеет дурную привычку сползать по склону. Тем не менее после спуска группу ждет большой отдых, и отдыхать перед большим отдыхом нет смысла.

---

⁸ Действие романов «Закон ответного удара» и «Правила абордажа».

2

Приказ категоричный – экономить заряд аккумуляторных батарей, которые могут понадобиться вскоре, и потому пользоваться фонарями только в случае крайней необходимости. А уж про факелы, использовать которые предложил кто-то из темноты, – еще категоричнее:

– Запах дыма почувствую – пристрелю...

Это сказано скучно, будничным безразличным голосом. Эмир Абдул Мадаев вообще человек скучный – посмотришь со стороны, вроде бы всегда в полусне находится, даже глаза слегка прикрыты, хотя все прекрасно видят. Даже то видят, что другие стараются от него скрыть, надеясь на внешнюю невнимательность эмира. И потому, случается, попадают в трудное положение. И еще он никогда не проявляет эмоций. Кто-то говорит, что эмир Абдул хладнокровный, как змея. Наверное, это тоже правда, но Абдул даже расстреливает равнодушно, словно бы походя. Беслан сам видел. Когда минометчик Гирей хотел повеселиться и пленному солдату голову отрезать еще живому, эмир Абдул, проходя мимо, просто пристрелил испуганного русского мальчишку, и, не останавливаясь, пошел дальше. Не из жалости пристрелил. Просто, чтобы Гирей не возился и время не терял. Потому что сразу после этого Мадаев приказал джамаату продолжать путь. И сейчас никто не сомневается – что-то будет не так, эмир Абдул не постесняется привести угрозу в исполнение.

– А жрать как?... Чай как вскипятить?...

– Двое суток всухомятку переживете. Не впервой.

– Курить-то можно? – ворчливо спрашивает тот самый минометчик Гирей. Он сигарету изо рта не выпускает никогда. Даже когда не курит, например, в засаде – сосет ее, как соску.

– Хоть круглые сутки, – отвечает эмир Абдул. – Только с сигаретой к выходу не суйся.

И в темноте слышатся его удаляющиеся шаги. Отходит куда-то по узкому коридору. Неторопливо и уверенно отходит, словно видит в темноте, как кошка. И не слышно, чтобы спотыкался.

– Беслан! Ко мне! – слышится его голос уже из глубины большой пещеры.

– Не споткнись, – со смешком шепчет злобный весельчак Гирей.

Беслан вяло, упираясь руками в колени, поднимается, смотрит в той же самой темноте на места, где устроились другие, словно может их увидеть, но, естественно, никого не видит, а только представляет расположение тел, и шагает к проходу. Опыт подсказывает ему у самого выхода из глубокой ниши поднять ногу повыше. Здесь Гирей устроился и обязательно должен свою ногу протянуть, чтобы Беслан и правда споткнулся. Шуршание камней за спиной показывает, что Беслан не ошибся. Гирей в самом деле попытался ногу вытянуть, но соприкосновения с ногой Беслана не нашел, и не понимает еще, почему молодой снайпер не споткнулся. Старается достать и посмешить себя и других. Однако уже поздно. Беслан уже в проходе и ищет рукой стену, чтобы на ощупь пройти в большую пещеру.

Они проходили здесь, этим коридором, десять минут назад. Тогда фонари светили. И Беслан пытается восстановить в памяти участки трудного пути. У снайпера, привыкшего работать по ночам, ориентация в темноте хорошая и память неплохая. И он даже вспоминает, что где-то через несколько шагов должен быть карниз, о который немудрено себе лоб разбить. И вовремя пригибается. Еще два шага, и темнота словно говорит с тобой, объясняя, что из коридора вышел, и до потолка при всем желании броском камня не достать – такая высота большого зала. Это даже и не зал, а какая-то трещина внутри горы. Только трещине полагается сверху быть широкой, а книзу сужаться. Здесь же все наоборот – понизу широко, а вверх, сужаясь, уходят стены. Луч фонаря в потолок не упирается, только в стены, и непонятно вообще, что там наверху. По крайней мере, в нескольких местах вода капает. Может быть, там где-то даже выход есть, а может, вода сквозь щели между камнями пробивается. Наверху-то активно тает.

Только, если даже наверху и есть выход, как до такого выхода добраться, если летать не умеешь, как летучая мышь...

– Почему тебя пришлось ждать? – спрашивает из-за спины голос эмира Абдула.

Без угрозы спрашивает, спокойно, но в этом спокойствии Беслан тоже угрозу чувствует. И вообще, как эмир за спиной оказался? Судя по голосу, который Беслана звал, он должен был быть шагов на пять впереди.

– Отец умирает... Его деревом в лесу придавило... За дровами ходил...

– Почему сразу не сказал?

– Тебе – сказал. Им это неинтересно... – кивок в сторону пещерки, где сидят остальные.

Жест этот эмиру не виден, и ничего не говорит ему, но он произволен, и потому естественен.

Беслан хочет никого не бояться. Гирея не боится, хотя тот в два раза здоровее его и постоянно придирается. Беслан уже обещал однажды угостить минометчика прикладом. И неизвестно, чем бы все закончилось, не вмешайся тогда эмир, не допускающий внутри джамаата никаких стычек. Не боится Беслан и врага. А вот невзрачного голоса эмира Абдула, при всем своем нежелании, боится на интуитивном уровне, как шипения змеи. Хотя эмир Абдул и родственник ему по материнской линии. То ли дядя двоюродный, то ли еще кто-то. Просто голос эмира и его холодный взгляд против воли навевают ужас, заставляют волосы под шапкой шевелиться.

– Врач что говорит? – в вопросе сочувствия нет, как нет и простого интереса.

– А где врача взять? – Беслан пожимает плечами. – Вертолет с федералами вызывать?

– Сильно помяло?

– Ребра переломало... Дышать не может...

– Через два дня отпущу тебя.

– Спасибо... Отец обещал не умирать... Хочет меня дождаться, а потом уж, как Аллах решит...

– Иди отдыхай.

Отдых Беслану нужен. У него нет того здоровья, что у Гирея. И суточный переход до пещеры – почти без отдыха, измотал, вытянул силы, сделал ноги ватными и непослушными.

После разворота в темноте требуется несколько секунд, чтобы восстановить ориентацию. Интуитивная память опять выручает. Беслан тихо возвращается в проход, опять нащупывая рукой стену, и чувствует под ладонью капли стекающей по стене влаги. На сей раз он уже лучше ориентируется. И Гирей теперь ногу не подставит, потому что, даже если услышит шаги, не знает, кто идет – Беслан или эмир. С Абдулом он так шутить не рискнет, потому что знает, как крут эмир, и как скор на расправу. Не успеет понять, что с ним шутят или ошиблись, желая пошутить с другим, как пристрелит. Эмир Абдул чужую жизнь, так же, впрочем, как и свою, ни во что не ставит...

Беслан садится и поправляет за пазухой толстую книгу – роман Вальтера Скотта «Граф Роберт Парижский». Никто не предупредил Беслана, что они идут в пещеру и сидеть будут в непроглядной темноте неизвестно сколько. Он и взял с собой книгу, чтобы почитать в свободное время. Он всегда в свободное время читает – любит это дело, и на насмешки других боевиков не отвечает. Кому что нравится... Гирей сигарету за сигаретой курит, а Нугзар без парамидола жизнь видит только в черных красках, и на лице у него нарисована вековая зубная боль... А эту книгу Беслан читает уже в третий раз. И потому, что она нравится, и потому, что книг в селе мало, только у старого учителя местной школы можно что-то на время взять. Но и его не слишком богатую библиотеку Беслан уже всю прочитал. Многие книги по несколько раз. А эта – его собственная. В подбитом БТРе нашел...

* * *

Темное время тянется особенно медленно, вязко, когда знаешь, что ему еще долго тянуться, и думы навевают невеселые. Думы о том, как там, дома, всего-то в сутках непрерывного хода отсюда, мучается отец и ждет сына. Он обещал дождаться... Обещал не умирать, пока сын не вернется, и просил сына поторопиться... Беслан отца любит и уважает, и ему самому больно думать о его страданиях. Даже грешные мысли голову посещают – все равно, если не отправить отца в больницу, он не выживет... Сам говорит, чувствует, что сломанные ребра острыми осколками в легкие вошли и не дают кровь подкормить чистым воздухом, вдохнуть полной грудью не позволяют. Так уж – прости, Аллах! – скорее бы, чтобы поменьше мучился... Плохо так думать, понимает Беслан – и ему от этого перед собой даже стыдно, но что сделаешь с мыслями – они разрешения не спрашивают и сами по себе в голове возникают, словно бы ниоткуда.

Старый школьный учитель – единственный друг Беслана в селе, рассказывал как-то, что Аллах не разрешает человеку контролировать свои мысли потому, что все мысли, когда они контролируются, становятся концентрированными и сильными и превращаются в реальность. А это только удел Аллаха. В самом деле, обладай человек такой способностью, что получится? Бежит собака по улице, человек только подумает, что собака может и укусить, как она обязательно укусит. Подумает человек, что может поскользнуться на крутом склоне, и тут же поскользнется... Вот потому Аллах и послал человеку путаницу в голову, чтобы он не мог своими мыслями миром управлять... И никак Беслан не может вытеснить из головы мысли об отце и его скорой смерти. Тоже мысли нечеткие, тоже путанные, но оттого не менее болезненные.

Беслан знает, что есть люди особо сострадательные. Есть такие, что даже врага убить не могут. Он не такой, но не совсем бесчувственный. И отца своего любит. А мысли о скорой смерти отца все равно голову не покидают...

* * *

– Меня в Грозный зовут, – мечтательно говорит Гирей. – Наверное, к лету поеду туда...
– А тебе это очень надо? Там проверки на каждом углу... «Стоять! Руки на стену! Шевельнешься – прикладом заеду. Побежишь – пристрелю... У-у-у... Сука черная...» – звучит равнодушный и спокойный голос из темноты. Это Теймур, минер, высказывает свой комментарий. – По мне, так здесь куда как спокойнее... Отработал, и спи себе в «зеленке». И никто не найдет... А в холода дома спи... Что еще тебе надо?

– Зато там работа стоящая... – не соглашается Гирей. – Если уж платят, так платят. За один удачный взрыв, говорят, пять тысяч баксов бросают...

– От двух до пяти. – поправляет Султан, заместитель эмира. – В зависимости от того, что или кого взрываешь. И это на всю группу... Говорят, скоро с этого налог брать будут. На содержание госпиталя. И на ремонт дорог в Грузию.

– Какой еще налог! – возмущенно рывкает Гирей. – На хрен мне их дороги!

Все смеются. Гирея легко представить дураком. Он сам всегда в такие ловушки попадает, потому что умом особым никогда не блещет. Но, как всякий дурак, в своем уме уверен и ни за что не поверит, что кто-то из соседей умнее его.

– Успокойся... Скоро и здесь платить будут, – неожиданно раздается от дальней пологой стены голос эмира Абдула. – Кроме того, и мы все вместе скоро в другие места переберемся. Может быть, в Россию прокатимся. Есть у меня наметки... Развлечемся, отдохнем от гор... Там даже за развлечение платят... И хорошо платят... Пенсию себе каждый, кто поедет, зарабатывает...

Все слышали, как он уходил, как звал из большой пещеры Беслана, но никто не слышал, как эмир вернулся. И не просто вернулся, а прошел мимо всех к дальней стене и там устроился на отдых. Привидение, а не командир.

– Хорошо бы, – соглашается Гирей, и голос выдает его легкий испуг. Он говорил о том, что собирается перебираться в Грозный совсем не для ушей эмира. – А то придется сматываться куда-нибудь, а не на что. И до пенсии не каждый доживет...

– Кури меньше... Ты на сигареты больше тратишь, чем я на патроны, – говорит эмир Абдул и звучно с недовольством тянет носом. В маленькой пещерке почти нет притока свежего воздуха. Это закуток, а не пещерка, и запах дешевых сигарет заполнил темноту.

– Я без курева никак, – вздыхает минометчик.

– Тогда на воздух выйти, там покури, только с сигаретой за выход не суйся, – говорит эмир.

Голос его такой же ровный, без доброжелательности и без приказного тона. Но Гирей понимает, что это приказ к действию, и, шумно дыша, поднимается всем своим громадным тяжелым телом, скребет задом каменистую осыпающуюся стенку.

– Проверь все три выхода. Через час стемнеет... До этого подбери себе площадку, где миномет установить. Лучше будет, если повыше заберешься...

– От кого обороняться будем? – спрашивает прежний голос из темноты.

– Пока, слава Аллаху, не от кого. Через сутки-двое подойдет большая группа. Человек восемьдесят. Если их будут преследовать, мы должны преследователей остановить... Группа здесь не задержится, будут выходить на другой склон. Мы их отход отсюда страхуем, чтобы все ушли благополучно.

– Понял, – говорит Гирей и на пару секунд включает фонарик, чтобы осветить хотя бы начало коридора, и не сразу стукнуться головой. Где-то дальше, как все знают, Гирей головой обязательно стукнется.

Так и происходит. Громкий раскатистый мат раздается из коридора уже через двадцать секунд, вызывая всеобщих смех. Гирей, естественно, давно забыл о существовании карниза в проходе. Того самого, перед которым наклонялся Беслан.

– Завтра проведем подготовку. На случай прихода незваных гостей... – предупреждает эмир. – У кого крышки от банок?

Он загодя велел собирать крышки от консервных банок, но не объяснил, для чего они нужны. Не объясняет и сейчас.

– У Гирея. В рюкзаке.

3

Руки не дрожат, но движения замедленны, вдумчивы и предельно выверены, ни в коем случае не суетливы. Ошибаться нельзя ни в одной мелочи. Даже на долю секунды нельзя позволить себе расслабиться – Кордебалет занимается минным делом. В группе каждый с этой работой до тонкостей знаком и может помочь товарищу, но минирование – дело настолько сложное и опасное, что всегда лучше им заниматься одному. Мало ли. Напарник руку не так протянет или ненароком под локоть подтолкнет. Результат может для обоих оказаться плачевным...

Прямо рядом с тропой Кордебалет выискивает подходящее место – опасное даже для работы на нем, и закладывает всего одну стограммовую тротилловую шашку с радиоуправляемым взрывателем. Благо такими взрывателями, учитывая техническую сложность задания, их снабдили перед отправкой. Этот же технологический взрыв необходим, чтобы устроить небольшую лавину, сметающую следы, которые группа намеревается оставить при спуске с тропы, поскольку ходить, не оставляя следов, не умеет, а свежий след незнакомых путников может насторожить боевиков, следующих тем же маршрутом, и заставить их повернуть в сторону. Звук же взрыва одной шашки будет не таким значительным, чтобы не вписаться в следующий за ним шумный сход лавины. Главное – самим под лавину не попасть. Но Согрин точно, основываясь на своем богатом опыте, просчитал профиль склона – куда лавина направится, видно хорошо.

Спуск по склону занимает больше времени, чем предполагалось. В самой середине спуска крутизна становится такой основательной, а снежный наст таким подвижным, что Согрин предпочитает обойти опасный участок по большой дуге и высматривает новый маршрут.

– Лучше справа. – Сохно показывает пальцем.

– Там круче. Спускаться с грузом труднее, – возражает полковник в раздумье, но категоричного решения не высказывает.

– Зато, там камни. А слева снег – следы останутся. Лавина может не захватить...

– Добро. – Согрин согласно кивает, принимая аргумент за существенный, и первым уходит в сторону каменного языка.

Валуны тяжелые, большие. Легкой лавиной их с места не сдвинет, да и сами они, кажется, не слишком склонны к сползанию. Кроме того, при внешней сложности пути, здесь идти оказывается и вправду легче. По крайней мере, группа передвигается быстрее и наверстывает упущенное время. Наверное, сказывается однообразность трехсуточного пути по талому снегу и усталость одних и тех же групп мышц. Здесь другие группы работают, и потому ноги сами собой совершают более широкие и быстрые шаги и прыжки.

Преодолев каменный участок, спецназовцы снова сворачивают к прежнему направлению. Дальше спуск опять идет через снежную ноздреватую по весне целину. И вновь теряется время, потому что идти приходится с предельной осторожностью – наст под ногами медленно, но неуклонно ползет, постоянно угрожая ускорить свое движение и увлечь за собой людей. Поэтому приходится трижды примериться, прежде чем поставить ногу твердо.

– Что-то блеснуло внизу, – предупреждает Сохно.

– Я сам сказать хотел, – отвечает полковник. – Может быть, слюда в камне?

Они знают, что у бинокля, если он обыкновенный гражданский, два окуляра, и солнце должно дать два отблеска. Стекло оптического прицела винтовки, как и армейский бинокль, имеет антибликовое покрытие, и солнце ему не предатель...

– Или нож, – добавляет Кордебалет.

– На меня кто-то точит, – радуется Сохно.

– Наш визави консервы открывает, – комментирует Согрин.

Здесь, на открытом склоне, вдалеке от больших камней, частых возле тропы, вдалеке от деревьев, прикрывающих подошву горы, они доступны любому взгляду со стороны. И беззащитны против любого снайпера. А снайпер в оптический прицел имеет прекрасную возможность разобрать, кто спускается с тропы в сторону леса – боевики или федералы. Другое дело, что снайперу здесь, вроде бы, и взяться-то неоткуда. Но, даже заметив блик солнца в отражающей поверхности, они не имеют в данном случае возможности обезопасить себя и изменить ситуацию. Не бросишься же со склона кувырком, мешая снайперу прицелиться. Очень весело будет смотреться такой спуск с их-то грузом и с одновременным сходом сырой лавины!

– Продолжаем движение, – решает Согрин. – Должно быть, там наш агент.

– Хотелось бы на это надеяться, – хмыкнув, соглашается Кордебалет.

Движение продолжается, но напряжение чувствуется сильнее, весомее. Никому не хочется ходить под прицелом. Будь даже это прицел союзника. Сто метров преодолены... Еще сто и еще столько же... До кромки леса остается метров двадцать, когда Сохно, идущий последним, останавливается, выпрямляется, и громко, со всей силой измученных легких зовет:

– Сла-а-ва-а-а... Мы где-есть...

Кордебалет с Согриным удивленно оборачиваются. Они тоже внимательно наблюдают за лесом, но не видят никаких признаков человека там, возле кромки. И при этом уверены, что они обязательно увидели бы, если увидел что-то Сохно. И все же они в волнении спрашивают в один голос:

– Видел?

– Чувствую...

– Здесь русский дух, здесь Русью пахнет, – горько, с разочарованием вздыхает Кордебалет, но смотрит в лес все же с надеждой.

Он прекрасно помнит, как последний из оставшихся в живых членов их некогда большой группы – последний, кроме них самих, естественно – Слава Макаров, чтобы выручить его, попавшего в неприятность в уральском городе, сбежал с экспериментальным оружием из спецподразделения французского иностранного легиона в Джибути и почти своим ходом добирался из Африки на Урал, успев в самый критический момент помочь Сохно и Согрину выручить товарища ⁹.

Сам Согрин тоже ничего не имеет против того, чтобы встретиться с бывшим своим сослуживцем, которого сам отобрал в группу при ее формировании, в основном, из командиров взводов отдельных подразделений спецназа ГРУ. Слава Макаров командовал взводом в отдельной роте в небольшом городке Бада в Забайкалье, и командир отдельной роты капитан Севастьянов, помнится, никак не хотел тогда отпускать лучшего своего командира взвода. Не хотел, но пришлось.

А служба в Советской армии у Славы закончилась в Афгане, когда он попал в плен...

В последний раз они встречались в Косово, где Слава Макаров под именем Славко Макараджича командовал особым отрядом югославского спецназа в действиях против натовских войск и косовских сепаратистов ¹⁰...

* * *

– Сла-а-ва, – повторно звучит призыв.

Сохно продолжает движение, но взгляд устремлен не под ноги, а вперед. Взгляд ожидающий, с надеждой на то, что надеется не напрасно. В какой-то момент это его чуть не подводит, но опыт вовремя берет свое, и Сохно, среагировав, останавливается, замирая перед сползаю-

---

⁹ Действие романа «Закон ответного удара».

¹⁰ Действие романа «Правила абордажа».

щим снежным пластом. И в это время едва заметно колыхнется тяжелая еловая лапа, и из-под ели выходит им навстречу человек. Делает пару шагов, и останавливается, прикладывая ладонь к глазам – солнце отражается в снегу и, после лесной тени, мешает ему смотреть. Но солнце не мешает им, и все трое спецназовцев сразу узнают знакомую, почти квадратную фигуру. И, против воли, не замечая того, ускоряют спуск до грани риска.

– Не ждали встречи? – смеется Макаров с расстояния нескольких шагов.

– Ждали. – Сохно первым шагает вперед, обхватывает друга и валит его в снег. – Я ждал! Я – один... Чувствовал... А они не верили... А они...

Договорить подполковнику не дают, на него сверху валится Кордебалет, и даже всегда сдержанный полковник Согрин в этот момент улыбается и становится похожим на мальчишку. И тоже не удерживается, наваливается сверху на человеческую кучу.

– Придавите... Инвалидом сделаете... – задыхаясь под тяжестью друзей и их тяжелых рюкзаков, пыхтит Макаров, и высовывает ближе к солнцу загорелое улыбающееся лицо.

* * *

– Сложность еще и в том, что пару часов назад в пещеры должен прибыть отдельный джамаат эмира Абдула Мадаева, – докладывает Макаров. – Этот джамаат обеспечивает безопасность съезда и выставляется в прикрытие в случае опасности.

– А что здесь сложного? – не понимает Сохно. – Всего-то джамаат, и к тому же в пещерах... А там целых три прохода... Наверняка, они рассредоточатся... Работай в свое удовольствие, и все.

– Не все, – не соглашается Макаров. – Эмир Абдул Мадаев будет поддерживать постоянную связь со всеми группами посредством спутникового телефона, и...

– Хотя бы с нами ты можешь говорить без акцента? – с усмешкой перебивает Кордебалет.

– Я с сильным акцентом говорю? – удивляется Слава.

Больше двадцати лет проживая за пределами России и встречаясь с земляками только от случая к случаю, он уже не чувствует, что по-русски говорит, как иностранец.

– Еще с каким!

– Ничего... Привыкайте... Это непроизвольно... В кровь, наверное, впиталось... Я когда сюда прибыл, сначала русские слова с трудом подбирал... Хотя даже по легенде я – русский... Использовал время своей работы преподавателем в саудовской военной школе в качестве прикрытия. Я оттуда уехал в Канаду вполне официально. И меня, оказалось, помнили в Аравии, как ходячую легенду. Потом расскажу при случае... Не будем пока отвлекаться на мелочи. Итак. Связь будет осуществляться по телефону. Каждой прибывающей группе дан свой пароль. Выделено определенное время для разговоров. Любой срыв будет рассматриваться как сигнал тревоги. Слишком велика сумма, чтобы ею рисковать. И никто не знает, за что платятся такие громадные деньги, кроме нескольких особенно посвященных лиц...

– Тогда будем работать прямо под носом у боевиков, – опять не смущается Сохно. – Пусть они разговаривают, а мы будем спокойно минировать проходы. Не впервой...

– Мне нравится твой оптимизм, – встречно улыбается Макаров, всегда хорошо понимавший Сохно. – Тем более, кроме работы на оптимизме, нам ничего не остается.

– А если забраться в глубину пещеры? – спрашивает Согрин. – И там, уже за спиной джамаата Мадаева, перекрыть проходы, чтобы взорвать их в самый критический момент.

– Я думал о таком варианте, – соглашается Макаров. – Но раздобыть карту пещер не сумел. Как русскому по рождению, мне доверяют не полностью... И потому от блужданий вслепую толку вижу мало.

– У нас есть Сохно, – даже не улыбается Согрин. – Он в пещерах чувствует себя более уверенно, чем на городских улицах. По крайней мере, с его помощью аккуратно разведать обстановку можно. Только предельно аккуратно, чтобы не спугнуть подземных жителей.

Макаров перед авторитетом бывшего своего командира только плечами пожимает, потому что правом возражать не наделен.

– Хотя бы проходы и ближайшие горизонты необходимо обследовать.

– А что, по-вашему, я здесь делал двое суток? – удивляется Макаров. – И сами проходы, и каждый поворот за ними изучил... Дальше забраться не успел. Эмир со своими людьми поспешил. Я ждал его позже. Хотя бы на пять часов. Этого мне хватило бы вполне...

– Сколько человек в джамаате Мадаева? – интересуется Кордебалет.

– Четырнадцать. Сам он пятнадцатый.

– Что сам эмир собой представляет? Толковый?

– Тихий и хитрый. Никогда не знаешь, чего от него ждать. Отставной офицер «девятки»¹¹, служил в Грозном, охранял ихних партийных бонз. Стреляет с закрытыми глазами. И без промаха. Только – на звук. Я сам наблюдал «показуху». Мадаева попросили показать свои фокусы арабам, в том числе и мне. Завязали глаза и бросали консервные банки... По песку... Звуча почти никакого... Одновременно три банки... Три попадания...

– Неплохо. Память на звук – ценная вещь. Значит, в пещере он опаснее других. Это надо учесть... – Согрин сосредоточен. – Впрочем, у нас Сохно стреляет так же.

– И я так стреляю. Может быть, даже лучше. Но показывать не стал.

– В остальном джамаат штатный?

– Да, полный комплект по всем профилям: эмир, его заместитель, снайпер, разведчик, санбрат, пара минеров с помощниками, пара минометчиков с помощниками, и пара гранатометчиков. Естественно, все вооружены, и автоматами. Кроме снайпера.

– Что у снайпера? – интересуется Кордебалет, поглаживая приклад своего «винтореза».

– Два месяца назад, когда я был в джамаате, видел штатную СВД¹², сейчас не знаю. Сам снайпер, молодой, внешне – малоопытный мальчишка. Но стреляет, говорят, неплохо... Имеет на счету две дуэли с армейскими снайперами¹³, и пока жив... Это уже о многом говорит.

– Армейские снайперы не могут служить критерием, – не соглашается Кордебалет. – Их выпускают после школы, не дав натаскаться, как следует.

– Согласен, – Макаров спорить не намерен, потому что сам хорошо знает обстановку. – Что будем делать?

– Сначала присмотримся, – решает полковник и разворачивает карту. – Нам осталось только свернуть за уступ горы, и мы попадаем в зону прямой видимости из пещер.

– Потому я и предлагаю пройти выше тропы прямо по склону, – высказывает свое мнение Сохно. – И не сейчас, а ночью.

– Другого нам не дано, – Согрин согласен. – Хотя такой маршрут очень опасен.

– Не меньше, чем маршрут по тропе, где мы будем под прицелом.

– Значит, отдыхаем до темноты.

– Я бы предложил разделиться, – высказывает свое мнение Макаров. – Мы с Сохно пойдём в гору, а командир с Шуриком страхуют нас снизу, из леса. В случае чего, мы страхуем их сверху, со склона. Так охват будет шире.

– Какая необходимость распылять силы?

---

¹¹ «Девятка» – девятое главное управление КГБ СССР, ведало охраной высших государственных и партийных чиновников.

¹² СВД – снайперская винтовка Драгунова.

¹³ Дуэль снайперов – когда снайперы двух враждующих сторон охотятся друг за другом, зная один о существовании другого. Победа в такой дуэли считается признаком мастерства не столько в стрельбе, сколько в тактическом знании своего дела.

– Прямая. Джамаат Мадаева тоже может разделиться, а поверху проводить перегруппировку гораздо сложнее. Кроме того, наверняка внизу будут готовиться какие-то сюрпризы. Это необходимо кому-то контролировать...

– Резонно, – соглашается Согрин и с новым предложением. – Возражений нет?

Возражений не находится.

– Все! Тогда отдыхаем. Времени мало... Варианты обсудим перед выходом... Самый отдохнувший – на посту.

На посту охранять сон товарищей остается Слава Макаров. Он уже двенадцать часов, как сам сказал, отдыхает, поджидая группу.

ГЛАВА ВТОРАЯ

1

Генерал Астахов уже с утра начинает донимать Басаргина звонками, к неудобству последнего, вспомнив номер его мобильного.

– Александр Игоревич, доброе утро, и мои извинения за столь ранний звонок... Я и сам сегодня ночевал в управлении... Думаю, что и у вас забот, как обычно, хватает... У вас ничего нового не появилось?

Басаргин делает «страшное лицо», показывая жене, как он рад этому звонку, и отходит к окну, разговаривая оттуда, чтобы лучше слышать – сыновья-близнецы собираются в школу отнюдь не молча. Александра Басаргина, понимая, что в такое время звонок может быть только деловым, открывает дверь в комнату сыновей, и что-то резкое высказывает им, впрочем, мало надеясь на успех. Так оно и получается. В результате Александра понимает, что закрытая дверь приведет к большей тишине, чем ее воспитательные меры.

– К сожалению, мы не имеем тех возможностей для оперативного действия, что есть у вас... Мы пока только включаемся в поиск и даже не наметили конкретные планы, – между тем объясняет Александр. – Через полчаса соберутся сотрудники, выскажут свои предложения – я дал им время подготовиться до утра, только тогда мы попытаемся что-то узнать. Пока ничем порадовать вас не смогу, товарищ генерал...

– Вы мне позвоните, когда ваши соберутся.

– Честно говоря, Владимир Васильевич, я не думаю, что они дома сумели добыть полезные для дела сведения... Но, если что-то появится... Вы же знаете, мы сообщаем сразу.

Александр разговаривает, стоя у окна, и видит, как во дворе лихо разворачивается и занимает место на стоянке маленький и верткий, но мощный «Хенде Гетз» Пулата. Машина выглядит новенькой и блестящей среди прикрывших крыши тальми сугробами привычных старожилов двора, и все благодаря любви хозяина: «маленький капитан» каждый день при въезде в Москву, а живет он по-прежнему в Электростали, заезжает на мойку, где его «Гешу» обхаживают в полном объеме мытья и чистки – с шампунями и полировочными пастами. Первая и единственная машина доставляет Виталию неиссякаемый источник радости.

– Я надеюсь на вас, – генерал вздыхает громко, чтобы Басаргин это услышал и оценил, и кладет трубку.

Александр понимает, что Астахова тоже тербит начальство, которое неизвестности не терпит. Сегодня после обеда стоит ждать, что и собственное начальство из Лиона начнет суетиться – последует звонок с вопросом по существу намеченных мероприятий. Поэтому мероприятия стоит хотя бы наметить. На скорый результат рассчитывать, как Басаргин понимает, пока не приходится.

Александр выходит, чтобы открыть дверь Пулату и запустить его в офис. «Маленький капитан», обычно приветливый и доброжелательный, сегодня непривычно хмур.

– Дорога не нравится? – спрашивает Александр еще в общем коридоре.

– Дороги наши нравиться не могут, – изрекает Пулат сентенцию. – Мне не нравится, когда на «Гешу» смотрят презрительно.

– Кто позволил себе такую неосторожность, и что ты с этим недоумком сделал? – улыбается Басаргин.

– В том-то и дело, что ничего не сделал. – Пулат даже голову от расстройства опускает. – Я, к собственному сожалению, человек предельно справедливый, и вижу небольшую разницу

между маленьким «Гешей» и «летающей шпорой»¹⁴. Даже между одним маленьким «Гешей» и двумя «летающими шпорами». Мне за «Гешу», конечно, чертовски обидно, но я в этом бессилен. И при всем при том не согласен, клянусь, поменять свою машину ни на какую «шпору».

– Где ты с этой «шпорой» встретился?

– На мойке. И не одна, а сразу две. Первая – «серебристый металлик», то, что ныне называется «оцинкованным ведром», вторая – цвета кофе с излишком молока. Мне бы очень хотелось, чтобы там была очередь, и хозяева «шпор» полезли без очереди. Я бы этим чеченам рога обломал. Но очереди, к сожалению, не было.

– И там чечены?

– И там... И «шпоры» новенькие. Еще без номеров. Заметь, я не спрашиваю, почему русские, и особенно отставные офицеры спецназа, не ездят на таких машинах. Я не завистливый. Но мне не нравится, когда на моего «Гешу» смотрят косо и с ухмылками.

– Ладно, – улыбается Басаргин. – Ты что-нибудь придумал по поиску? А то мне уже звонил генерал Астахов. Подгоняет процесс мыслеобразования наших сотрудников.

– Пока у меня есть в голове только самая непосредственная версия. Деньги пришли в качестве оплаты за грядущие великие злодейские свершения. Что посоветует человеку психология? Готовый к проведению террористического акта человек не может быть уверен в завтрашнем дне. Не может, это категорично. И кому тогда нужны его деньги? Никому... И завтрашний террорист будет настроен на то, чтобы пожить хоть какое-то время красиво. Например, купить себе «летающую шпору». Два террориста – две «летающие шпоры»...

– Несерьезно, – качает головой Александр. – Не зацикливайся на «шпоре». Ищи что-нибудь более основательное.

– Купить дорогую квартиру... Это основательно? Буду спорить и доказывать, что это выпадает из психологического портрета частичного смертника.

– Мне не кажется бесспорным твой первоначальный посыл.

– А я тебе так расскажу. Из своей службы. Если предстояла серьезная командировка в район боевых действий, то аванс всегда хотелось пропить сразу и без остатка. Просто внутри все горело, а на «шпору» нам денег не хватало, да и «шпор» в те времена в Советском Союзе не видели. И самое большее, что могли мы тогда себе позволить – разгуляться во всю ширь. Потому что не знали, что с нами завтра будет... И аналогию я считаю возможной.

– Ладно. Посмотрим, что скажут другие...

– Думаю, что они увидят правомочность моей версии.

* * *

Басаргин смотрит сначала на наручные часы, поскольку Дым Дымыч Сохатый, как опытный специалист по всяким восточным штучкам, убедил всех в том, что настенных часов, олицетворяющих в восточной мудрости временность и непродолжительность бытия, в серьезном офисе быть не должно. И при не самой безопасной профессии работников антитеррористического бюро, часы могут олицетворять для кого-то из них серьезные неприятности со сроком пребывания в нынешнем воплощении. Из русских царей, прислушивающихся к голосам с Востока, только Александр Второй нарушил традицию, установив в своем кабинете часы. И это кончилось для него плачевно. С доводами спеца интерполовцы, как всякие люди, имеющие отношение к риску, слегка суеверные, согласились. И предпочли пользоваться часами наручными.

---

¹⁴ «Летающая шпора» – «Bentley Continental Flying Spur», один из самых дорогих автомобилей представительского класса. На сегодняшний день московская цена в базовой комплектации около 210 000 евро.

Александр цыкает и качает с осуждением головой. Потом бросает взгляд на телефон, ожидая обязательного звонка от генерала Астахова. Вскоре может прозвучать очередной вопрос из штаба «Альфы», но что на этот вопрос можно ответить...

– И где же сегодня наше народонаселение? – спрашивает из своего кресла «маленький капитан», замечая состояние своего прямого руководителя. – Мне весьма интересно выслушать мнение коллег по поводу моей небезынтересной мысли.

– Так вообще разве бывает – когда опаздывают на работу все сотрудники, кроме одного? – то ли Пулата, то ли сам себя сердито спрашивает Александр.

Уже первый час рабочего времени подходит к концу, а от сотрудников бюро нет никакого сообщения. Бывает, кто-то приболел, бывает, кто-то задерживается по семейным обстоятельствам, бывает, кто-то дела начинает, не заглядывая в офис... Но всегда предупреждают... Басаргин не понимает ситуацию, поскольку не знает за коллегами привычки долго спать и пренебрегать своими прямыми обязанностями.

Пулат листает свежий автомобильный журнал и внешне никак не показывает своего отношения к происходящему. Если раньше он листал журналы по изобразительному искусству, которыми его снабжала Александра Басаргина – жена шефа, художник по профессии – то теперь, после приобретения «Геши», он полностью переключился на автомобильные темы и тщательно изучает все сравнительные тесты, убеждая себя в превосходстве собственного транспортного средства над аналогами.

На вешалке за занавеской, в кармане куртки Пулата, раздается какое-то настойчивое пиликанье. Басаргин удивленно смотрит в сторону прихожей.

– Сигнализация, – объясняет «маленький капитан». – Это, наверное, Доктор приехал. Он любит пинать мои колеса... Разреши, я с твоей кухни посмотрю?

Окна офиса выходят на улицу, а во двор только окна квартиры Александра. Басаргин кивает, и Пулат торопливо направляется через коридор в квартиру. Возвращается одновременно со звонком во входную дверь.

– Я же говорил, что Доктору здоровье девать некуда... Когда-нибудь обижусь и обломаю ноги, которые он слишком распускает, – говорит Пулат, впрочем, совсем без злобы, потому что и к подобным шуткам Доктора Смерть уже привык, и, кроме того, сам первый начал так шутить с его большим «Мерседесом».

«Маленький капитан» выходит открыть дверь и возвращается с коллегой. Басаргин смотрит с улыбкой, представляя, как Пулат со своим ростом в метр шестьдесят семь обламывает ноги двухметровому Доктору Смерть, и ростом они при этом почти сравниваются. Но время идет, и шутить некогда, хотя и отчитывать сотрудников за опоздание Александр привычки не имеет.

– Семейные дела? – невинно звучит вопрос.

Доктор смотрит хмуро, глаза воспалены.

– Я сегодня дома не ночевал...

– Подался в Дон Жуаны? Прельстился лаврами Пулата? То-то ты вчера так спешил...

– Почти прельстился. Только обхаживать пришлось пару мужиков в солидном застолье, где много бутылок и минимум закуски.

Басаргин сразу понимает, что Доктор ночь посвятил работе, и не расспрашивает дальше – Виктор Юрьевич сам расскажет все, что нужно. Но взгляд на телефон все же бросает, потому что генерал Астахов вопросы будет задавать именно руководителю бюро.

Доктор садится в свое суперкрепкое кресло, выбранное при покупке мебели Александрой Басаргиной специально для него, и включает компьютер.

– А машину мою за что распинываешь? – с укором говорит Пулат.

– Это я от зависти, – кается Доктор. – Значит, так... У меня вечером естественная мысль появилась, я сразу позвонил кое-кому из своих штатных стукачей и нашел адресок для получе-

ния информации. Информация есть. Небольшая. Но – сначала мысль. Я исходил из психологического настроения людей, получивших крупную сумму денег за выполнение опасной работы...

Басаргин, сразу почувствовав, к чему идет разговор, переглядывается с Пулатом. «Маленький капитан» откровенно торжествует, словно Доктор пообещал ему к нынешнему вечеру непременно вручить Нобелевскую премию.

– Дальше, любезный друг, дальше, – торопит Пулат, посмеиваясь, и чуть руки не потирая.

– Есть, конечно, индивиды, которые от природы люди заботливые, и постараются на черный день семью обеспечить... Есть даже такие, кто эти суммы может на благотворительность потратить. Но это вообще не в характере террористов... Если в группе, а работают они всегда группами, даже когда шахидов и шахидок выставляют, и завалается случайно такой, то остальные все равно будут обыкновенными и традиционными... И потому я сразу пошел прямым путем – начал искать традиционных, причем не просто классических мотов и растратчиков, а именно группу таких... И кое-что нашел. Два чечена из числа подозрительных – Муса Раздоев и Халил Мадаев – купили себе по «Бентли Континенталь». Новая модель. Только что в продаже появилась. «Летающая шпора»... Один из них отправил жену в Осло и выделил ей деньги на покупку небольшого домика. Сколько, я пока не знаю, но к вечеру мне обещали сообщить... Стоимость «летающей шпоры» более двухсот тысяч евро. Это тоже о чем-то говорит. Поскольку я не могу забраться в банковскую систему через Интернет, надо попросить генерала Астахова устроить проверку... Но оба подозреваемых не входят в число серьезных бизнесменов, которые могут позволить себе такую покупку, хотя и имеют какой-то выход на поставки бензина из Татарии и Башкирии.

Доктор смотрит серьезно, но воспаленные после бессонной ночи глаза светятся довольством. Он добыл конкретный материал, пусть и подлежащий проверке. Но это уже какая-то возможность ухватиться за «хвост» при полном отсутствии фактов.

– И что вам дали эти «шпоры»? – вздыхает Басаргин.

– Кому – вам? – настороженно спрашивает Доктор, готовый к возмущению от того, что уловил разницу между множественным и единственным числом.

– Пулат пришел с той же информацией. Почти с той же. Касательно этих же, похоже, машин... Я не думаю, что у нас в стране каждый день покупают по «Бентли».

– В прошлом году по стране продано двадцать шесть «Бентли», – сообщает Доктор. – Я в Интернете посмотрел. Причем все – купе «Континенталь». «Шпоры» только поступили в продажу, и это первые два проданных экземпляра...

И бросает на Пулата ревнивый взгляд.

– Я их на мойке встретил...

– Вчера только купили...

– А сегодня уже моют...

– Значит, куда-то ездили, – предполагает Басаргин. – Это тоже стоит проверить.

– Нет, – не соглашается «маленький капитан», – без номеров далеко не ездят. По Москве столько грязи за час соберешь, что любая машина вид теряет. Грязнее Москвы может быть только Электросталь.

– Плохо ты знаешь российские города, – возражает Доктор. – Грязи в каждом городе хватает. И отовсюду ее свозят в Москву.

– Хватит спорить, – прерывает разговор Басаргин. – Давайте соображать, что мы еще можем предположить. Мне нужны конкретные пути поиска... Есть еще варианты?

Звонок в дверь не дает им ответить.

– Кто-то еще пришел рассказать про «летающие шпоры», – как ребенок, улыбается Пулат, радуясь неизвестно чему.

Басаргин идет открывать дверь.

2

У эмира Абдула будильник в голове работает без перебоев – точнее самых дорогих швейцарских часов. Это все в джамаате знают. Как можно ориентироваться в этой крошечной пещерной темноте, не включая даже на секунду фонарик, и знать, что происходит на улице, чувствовать, что солнце через полчаса уже покажется со стороны тропы, ведущей в Грузию? Никто этого не может. А эмир Абдул может. Он всегда и везде знает точно, когда пора подниматься и выступать, а когда можно еще отдохнуть какое-то время. Даже если устал больше других – все равно вовремя просыпается, как волк, сразу с холодной, все понимающей головой, и готов к любому действию, адекватному обстановке. При этом часы у него самые простые, без будильника и даже без подсветки, как у некоторых. Подсветка эта в какую-то минуту может стать предательницей – блеснет в темноте в неподходящий момент, и тогда пуля снайпера будет знать, в каком месте тебя искать вернее всего.

– Теймур и Тамир!

– Я здесь, эмир, – с места, недалеко от входа, откликается Теймур.

– Я готов, эмир, – из глубины подает хриплый голос Тамир.

– Готовьтесь. Выходим через двадцать минут. Через полчаса солнце встает. Выходим все, все готовьтесь...

Теймур и Тамир – два штатных минера джамаата, они расталкивают своих спящих помощников. Сами тоже, наверное, спали, и потому эмир Абдул дал им время чтобы глаза продрать, перед тем как команду услышат. Шевеление слышится в разных концах маленькой пещеры. Все готовятся к выходу, натягивают на себя камуфлированные бушлаты, которыми укрывались ночью.

Беслан спал сидя, прислонившись боком к большому камню и не выпуская из рук холодный ствол винтовки. Ему снился отец, сильный и здоровый. Отец дрова колот. Много наколот. На целую зиму. Но не складывал в поленницу... Во сне Беслан знал, что складывать дрова будет он, и отец ждет этого момента. Ждет, когда сын вернется, чтобы сложить дрова, как бывает обычно, рядом с каменным забором. Сон добрый. И это противоречит ожиданиям скорой отцовской смерти, которая мучила мыслями вечером. Потому Беслан просыпается свежим, в хорошем расположении духа. Просыпается чуть раньше, чем эмир отдает первую команду, и сразу готов к выходу – он бушлат не снимал, а спал, положив голову на согнутый локоть.

Дольше всех собираются, как им и положено, Теймур и Тамир с помощниками. У них груз и самый большой, и самый тяжелый. Беслан много раз задумывался, как посчастливилось ему, что эмир Абдул не определил его в минеры. Столько им приходится таскать с собой во время самого сложного рейда, что плечи отвалиться могут...

– Осторожнее!

– Темно... Ничего не видно...

– Подсветите себе, – разрешает эмир Абдул. – А не то отправите нас всех к праотцам раньше времени...

– Не отправим, эмир. Детонаторы лежат отдельно.

– Готовы?

– Готовы.

– Все. Выходим...

Беслан поднимается, он уже давно готов к выходу. Ему даже показалось, что двадцать минут, отведенные на сборы, тянутся очень долго. Он поднимается. Эмир Абдул на короткое время включает фонарик, освещая выход из маленькой пещеры, чтобы все смогли посмотреть и запомнить. И первым направляется в коридор. За ним выходят минеры с помощниками, за

минерами Беслан. И за спиной он слышит шаги Гирей. Так тяжело, как гусь, шлепая ногами, только один Гирей и ходит во всем джамаате.

Беслан хорошо помнит коридор – если трижды прошел, он запомнит при любых обстоятельствах. И потому беззвучно придерживая рукой винтовку, чтобы не брякнула, наклоняется в том месте, где потолок имеет карниз. Он специально старается сделать все беззвучно. И даже слышит намеренную тишину со стороны других. Вчера вечером Гирей стукнулся здесь головой. С его ростом это немудрено. Но все и сейчас с восторгом ждут, когда минометчик повторит «вечерний звон», и потому замирают, боясь пропустить момент. Беслан уже распрямляется, когда слышит за спиной громкий хряст, и следующий за ним мат.

Гирей свое дело знает.

* * *

Чистый воздух кажется особенно чистым, когда выходишь из пещеры. И хочется долго дышать полной грудью, распрямляя плечи. Беслан даже останавливается, наслаждаясь свежим, бодрящим воздушным потоком, идущим навстречу, и Гирей натывается на его спину стволом миномета. Беслан понимает, что натывается умышленно. Просто от недоброты душевной. Гирей любит, когда другому больно. И довольно хмыкает. Беслан оборачивается, чтобы сказать что-то резкое, и видит громадный синяк во весь небольшой покатый лоб здоровенного минометчика. И вместо резкости только улыбается.

– Чего смеешься? – непонимающе возмущается Гирей.

– Хорошо тебе, без мозгов. Были бы мозги, заработал бы сотрясение...

Пока Гирей соображает, Беслан выходит из пещеры. Здесь, снаружи, уже энергично распоряжается эмир Абдул. Отдает четкие и выверенные команды, словно долго и тщательно изучал всю позицию заранее – куда поставить минометы, где поднять камни выше, чтобы образовать бруствер.

– Десять минут на все!

Позицию готовят все вместе. Быстро, помогая друг другу. Так в джамаате заведено. Между собой отношения у моджахедов могут быть какие угодно. Но в деле каждый обязан помогать другому. Это правило эмир поддерживает жестко. И тот же Беслан ножом выковыривает камни, чтобы Гирей мог прочно установить опорную плиту миномета так, чтобы она не шелохнулась под мощной отдачей ствола во время выстрела. Беслан помогает и не обижается, не встает в позу, когда Гирей прикрикивает на него, показывая, что нужно выковыривать соседний камень, а вовсе не тот, за который снайпер принялся.

* * *

Эмир отходит в сторону, наблюдая за работой, и вытаскивает трубку спутникового телефона. Звонит несколько раз, о чем-то разговаривая. Моджахедам не слышно разговора, потому что эмир Абдул не имеет привычки кричать. Но все понимают, что беседует эмир не с любимой женой и не с детьми, живущими сейчас где-то в Азербайджане. К джамаату эмир Абдул возвращается только тогда, когда видит позицию для защиты площадки перед главным входом в пещеру подготовленной.

– Теймур, Тамир с помощниками, Беслан – за мной! Остальные на позиции. Прикрывают. Наблюдать внимательно. Наши могут подойти только во второй половине дня. Если кого-то заметите – огонь на поражение... Гирей, где у тебя крышки от консервов?

Гирей показывает на свой рюкзак.

– Отдай Беслану. Все! Вперед!

И, как всегда, первым начинает спуск по склону.

Здесь тропа хорошая. Склон юго-западный. Во второй половине дня солнце печет наиболее сильно, и потому снег на этом склоне почти стаял, застряв местами только в нагромождении камней. И тропа успела почти просохнуть. Даже ноги не скользят на мелкой гальке, хотя ночами гальку еще сковывает морозом. Мороз и сейчас еще чувствуется. Солнце на эту сторону хребта еще не заглянуло. Но это не зимний мороз, совсем не кусается. А сухие камни под ногами не скользят. И ступать по ним можно с уверенностью.

Тропа выводит группу к долинному ельнику. Там, в ельнике, снег местами еще лежит, хотя тропы и там протоптаны. С зимы остались. Прямо посредине долины протекает вдоль всей длины ельника шумливый на камнях ручей со свежей водой. Тропа пересекает его по крупным камням, выставленным как раз в шаге один от другого. Беслан идет первым, посреди ручья наклоняется и выпивает несколько пригоршней. Вода свежит и придает сил.

– Горло не заболит? – спрашивает Тамир, который всегда боится простудиться. Он даже летом под камуфлированную майку по вечерам шарф подсовывает.

– Кто всегда пьет из ручья, никогда не болеет, – за Беслана отвечает Теймур и тоже пьет воду пригоршнями. У него это получается плохо, потому что на правой руке Теймура не хватает двух пальцев. Такая рука у него от природы – только три пальца Аллах ему подарил. Сам Теймур от этого не расстраивается. Говорит, что у какого-то чемпиона мира по шахматам¹⁵ тоже было три пальца на правой руке. И вообще, своими тремя он справляется со многими операциями лучше, чем некоторые с пятью... Вот только воду пить неудобно.

– Здесь, сразу за ручьем, «картошку»¹⁶ сажайте, – распоряжается эмир Абдул. – Здесь земля сырая, мягкая... Получится.

Установка «картошки» дело хитрое и тонкое настолько же, насколько опасное. Беслан переходит на другую сторону ручья и скрывается за деревьями. За ним на другой берег уходят эмир, Тамир и оба помощника минеров. Только один Теймур склоняется над землей в трех местах, словно колдует. Строго в полуметре справа от каждой посаженной «картошки» выставляет крышку от консервной банки. Знак для своих. Крышки старые, гнутые и проржавелые. Их примут просто за мусор. Подумаешь, кто-то когда-то здесь решил остановиться и перекусить... Обычное дело... Не убирать же за собой в горах мусор, если ты в этот момент ни от кого не прячешься?

Эмир Абдул с Бесланом наблюдают за действиями Теймура, остальные уходят дальше по тропе. Эмир уже во время спуска по склону объяснил минерам, откуда следует начинать минировать тропу. И они времени даром не теряют. Запаса крышек от консервных банок хватит еще на несколько таких же участков, если потребуется их оставлять за собой в случае организованного федералами преследования.

– Готово. – Теймур выпрямляется и улыбается, скривив в сторону бороду. Сбоку посматривает на свою работу, и, как всякий художник, не может удержаться, чтобы не нанести кистью последний штрих – наклоняется снова и прикрывает последнюю «картошку» плоской галькой. Таких камней на берегу много. Никто не обратит на них внимания.

– Может, в ручье растяжку поставить? – спрашивает. – Хотя вода слишком чистая... Насторожить может...

– Надо поставить, – кивает эмир. – Надо так поставить, чтобы не видно было... За мной!

И он смело входит в неглубокий ручей с ледяной водой. Берется двумя руками за камень и смотрит на Беслана с Теймуром, взглядом требуя помощи. Камень лежит как раз посредине

¹⁵ У чемпиона мира по шахматам Михаила Таля от рождения было только три пальца на правой руке, что не мешало быть ему в шахматах гением.

¹⁶ «Картошка» – на армейском жаргоне, граната с сорванным кольцом, вдавливаясь чекой в землю так, чтобы можно было о гранату споткнуться, приняв ее за камень, или даже просто наступить, и высвободить чеку, чтобы произошел взрыв. Не требует использования проволоки для установления «растяжки», и потому «картошку» трудно бывает обнаружить.

ручья. Если его сдвинуть подальше, то кому-то придется прыгать, а кому-то, кто допрыгнуть не сумеет, придется и ноги замочить...

– Здесь, – показывает эмир Абдул. – Рядом с камнем протягивай. Кто оступится, сразу наступит на провод...

– На леску, – поправляет Теймур.

Он в работе предпочитает пользоваться зеленой рыболовной леской. Она и в траве незаметна, и в воде тоже. Второй минер – Тамир – леску почему-то не любит. Говорит, что у него пальцы больше на проволоку настроены. И он сматывает проволоку с любого подвернувшегося под руку трансформатора. А потом коптит ее над костром, чтобы черная копоть скрыла блеск меди. И получает от процесса копчения удовольствие, нарисованное на его откровенном лице предельно четко. С таким лицом только настоящий рыбак может печь над костром рыбу.

– Куда здесь метку ставить? – завершив работу и установив на берегу гранату, соединенную с растяжкой, спрашивает, оглядываясь, Теймур, и вертит в руках крышку от консервной банки. Метка будет слишком заметна и неуместна на любом из камней перехода, и все это понимают.

– Здесь не ставь... Я предупрежу по телефону, – машет рукой эмир Абдул, показывая, что им следует нагонять ушедших вперед.

Беслан аккуратно отжимает штанины. Не лето стоит вокруг. Купание в такую погоду доставляет мало удовольствия.

3

– С простейшим ясно. Минируют переход через лес, – комментирует Макаров, не отрывая бинокль от глаз. – А что они там еще выставляют? Я не понимаю...

– Зря ты среди них столько прожил... Сколько ты, кстати, у них прожил?

– Четвертый месяц уже... Так что они делают?

– Крышки от консервных банок, – объясняет Сохно и смотрит в небо. Небо чистое, только на горизонте кучкуются облака. Такие облака не должны стать помехой в работе авиации, которую обещали в поддержку наземным силам. И еще вопрос, как самим от этой авиации спастись? – Выставляют «сигналки» для своих. Я с таким уже сталкивался не так давно, и тогда мы мило пошутили... Эти крышки переставили в другие места... В результате – три взрыва, гора трупов, но обошлись без похоронного марша.

– Нам кто-то мешает пошутить так и сейчас? Я даже согласен похоронную команду с оркестром заказать. – Слава переводит бинокль дальше, чтобы не выпускать из поля зрения других минеров, и подкручивает окуляры. Сохно тоже смотрит туда.

– Если командир видит, а он видеть все должен, догадается... Он был среди штатных шутников в прошлый раз. Помнит. Но это пустяк. Меня больше волнуют эти ребята у входа в пещеру. Они создают настоящий укрепрайон... – Сохно наводит бинокль на ближнюю группу боевиков, расположенную прямо посреди склона. – Нахальной атакой их брать – все равно, что штурмовать Кенигсбергскую крепость... Победа достигается исключительно за счет массовых потерь в живой силе, однако приказ обсуждению не подлежит. Но мне больше всего нравится расположение минометов, и... боезапас. С этого места они перекрывают любые подходы с противоположного склона и способны вызвать там лавину. Сам посмотри. И уж боезапаса для этого не пожалеют... Как они, бедняги, притащили сюда столько мин? Должно хватить, чтобы оборониться от основательной армии...

– Мне думается, имеется склад в пещере. Столько на себе не притащишь. Да... Для атаки снизу они хорошо подготовились, – усмехается Макаров. – Но кто им сказал, что мы будем атаковать снизу? Готов поспорить, мне такой способ ведения боевых действий не понравится.

– Мне, признаться, тоже, – согласен Сохно.

– Есть мысль. Видишь вон ту скалу? – Макаров показывает пальцем. – Если бы ты подержал меня за ноги, я смог бы свеситься и накрыть их мины из «подствольника» прямой наводкой, – предлагает Макаров. Только тебе там самому держаться будет не за что...

– Сколько вешишь?

– Точно не скажу, но кило восемьдесят пять, наверное, наберется.

– Врешь... За девяносто уже перевалило... Отъелся на кавказской баранине. Удержу, не боись... Я ноги к тому вон большому валуну привяжу. Смотри, чтобы автомат из рук после такого «висячего» выстрела не вырвало.

– Не вырвет. У меня руки еще, кажется, достаточно крепкие.

Слава подправляет в ухе наушник «подснежника», пока, согласно приказу, бесполезного. Он не привык еще к такой технике, и наушник постоянно мешает ему, отвлекая внимание.

Они всю ночь не то, чтобы поднимались – они медленно и безостановочно ползли в гору с полным запасом взрывчатки, который раньше спецназовцы несли втроем, не уверяя друг друга, что груз ничего не весит. И несли по тропе, а в гору забираться пришлось напрямую, где нога разумного человека не то, что не оступалась, но даже не ступала... Обходили или обползали стороной снежные ненадежные языки, к счастью, нечастые здесь, потому что склон в послеобеденное, самое жаркое время, солнечный. И все-таки вышли к месту, расположенному почти прямо над площадкой у входа в пещеру. Последний участок пути, правда, дался им

легче. Рюкзаки с взрывчаткой они оставили ближе к той самой площадке, чтобы не таскать их туда-сюда. При спуске, когда он состоится, будет проще...

Когда с наступлением темноты Макаров разбудил группу, Согрин уже выложил готовый план. Командир, должно быть, продумал его прежде, чем уснуть, хотя глаза у него, кажется, закрывались перед этим сами собой. Согласно плану, нижняя пара бойцов так и остается внизу, по сути дела, в самом центре событий, которые должны там развернуться. Но, чтобы обезопасить себя от атаки своей же авиации, предварительно, в темное время суток, готовит себе норы на противоположном склоне, чтобы перебраться в эти норы только тогда, когда позиция среди ельника будет представлять реальную опасность. А верхняя тем временем выполняет главную задачу – блокирует джамаат Абдула Мадаева и взрывами заваливает входы в пещеры.

– Справитесь вдвоем? – для проформы все же спросил Согрин, вообще-то и не сомневающийся в способностях подчиненных.

– На пенсию нам, командир, еще рано, – усмехнулся в ответ Сохно. – А «тяжеловозы» мы известные. Донесем все, что требуется.

– И воевать, кажется, не разучились, – добавляет Макаров.

В случае обострения ситуации снизу огнем из «винтореза» и автомата верхнюю пару поддержат Кордебалет и Согрин. В случае обострения ситуации внизу верхняя пара поддерживает огнем нижнюю – у Макарова «калаш», у Сохно, как обычно, вместо автомата два АПС¹⁷. Жесткая кобура вместо приклада превращает этот пистолет в короткоствольную винтовку или, при желании, в автомат. Договорились, как только операция вступит в завершающую фазу, Согрин даст сигнал зеленой ракетой. Значит, можно будет включить «подснежники» и поддерживать оперативную связь. Шифрованную связь с войсковиками Кордебалет будет поддерживать через свою рацию.

Вопросов не возникло. И вот верхняя пара наблюдает за происходящим сверху. Нижняя должна наблюдать за теми же событиями снизу.

* * *

Согрин, как всегда, вдумчив и нетороплив, продумывает все, что делает, и при этом вовсе не выглядит медлительным – полковник прикрепил себе на каждое плечо по тяжелой еловой лапе, третью лапу с помощью Кордебалета приладил, чтобы она свисала на спину. Кордебалет даже фантазию проявил и, после того, как командир занял выбранное место, уложил на эту лапу пригоршню снега. Так, среди густого и молодого низкорослого ельника, полковник полностью сливается с общим фоном и совсем незаметен, хотя находится в непосредственной близости от спустившейся от пещеры группы. Кордебалет только что завершил сеанс связи со штабом операции и получил подтверждение предварительного плана. Сам в подробности обстановки не вдавался, чтобы не удлинять сеанс, и передал только короткую шифротелеграмму с общим докладом по выполнению первоочередных задач. Как делал это обычно, под своим сообщением поставил подпись полковника. Но полковник на товарища надеется и позволяет это ему.

Позиция Кордебалета более отдалена. Он, устроив полковника в ельнике, сам перебрался на камни противоположного склона, недалеко от лесной полосы, откуда удобно в мощную оптику «винтореза» рассматривать и сам ельник, и вход в пещеру, где даже невооруженным глазом заметно какое-то движение. А уж оптика позволяет в подробностях рассмотреть, что это за движение. «Винторез» переходит с цели на цель и заставляет Кордебалета вздыхать. Он без проблем бы прямо сейчас, пока боевики не подготовились к защите и не ждут атаки, перестрелял бы их около входа в пещеру. Начал бы с задних и закончил бы самыми активными. Те,

---

¹⁷ АПС – автоматический пистолет Стечкина

что на переднем плане, и сообразить бы не успели. Кордебалет знает свою способность стрелять быстро, посылая пулю за пулей. Но нельзя... Хорошо, что Макаров обладает информацией и сумел предупредить. Иначе вся операция могла бы сорваться. Прибывающие группы не смогли бы выйти на связь с эмиром Мадаевым и свернули бы с тропы. Найти их в горах было бы после этого трудно. И Кордебалет утешает себя тем, что нажимает на спусковой крючок мысленно.

Согрин наблюдает за ближней группой. Он сразу понимает, чем занимается эмир Мадаев со своими бойцами. А хитрость с крышками от консервных банок вызывает улыбку в глазах полковника, как высшее проявление допустимых в такой обстановке эмоций. Если кто-то начинает повторяться, это не от хорошей жизни. Должно быть, опыт использования крышек был одобрен руководством. Но до руководства еще не дошло, что спецназ научился использовать этот опыт боевиков по своему разумению и с наибольшей для себя пользой. Не постесняется использовать и сейчас, потому что в этом случае повторение будет обязательным атрибутом успеха...

Автомат отложен чуть в сторону. В случае крайней необходимости требуется меньше секунды, чтобы протянуть руку, и тогда указательный палец сам найдет привычное место на спусковом крючке, а большой палец автоматически ляжет на предохранитель, готовый уложиться в ту же секунду, чтобы опустить его в нижнее положение. Однако пока такой необходимости нет. Под рукой у полковника рабочий блокнот и карандаш. На открытый лист уже нанесена тропа и обозначены все участки, где установлены «картошки» и растяжки. И приходится аккуратно вертеть головой, придерживая свободной рукой еловую лапу, чтобы не привлечь внимание к ее движению, и наблюдать работу одновременно двух групп. Но вторая тоже не отличается выдумкой и фантазией. Использует те же самые крышки от консервных банок. А вся фантазия сводится к единственному разнообразию – две растяжки установлены не понизу, а среди веток, и гранаты закреплены тоже на высоте. В этом случае поражающее действие осколков значительно выше, чем при установки внизу. Пусть так. Знали бы боевики, для кого стараются, они не были бы такими беспечными и довольными...

В заключение, на самом выходе из ельника, среди камней устанавливается еще и мина МОН-100, но с ней боевики возятся долго, и Согрин не сразу понимает, с какой целью к мине крепится граната Ф-1. Только потом видит, как от гранаты протягивается леска. Понятно. У боевиков нет в запасе натяжных взрывателей для установки ловушки, и мина должна сдетонировать от взрыва гранаты Ф-1. Надо же, удивляется полковник – и у боевиков все, как в войсках. Если есть мины, то нет нужных взрывателей, если есть взрыватели, то нет мин. Если есть и то и другое, то дело происходит очень далеко от района военных действий...

Боевики собираются в одну группу. Значит, работу закончили. Блокнот в сторону, теперь бинокль к глазам. Пусть и близко противник, а всегда хочется рассмотреть его еще ближе. В лицо хочется заглянуть этому командиру джамаата. Что ты собой представляешь, отставной офицер «девятки» Абдул Мадаев? Насколько ты хитер и опытен?

Согрин долго всматривается в малоподвижные черты этого бесстрастного лица, пытается через бинокль заглянуть в эти полуприкрытые, словно сонные, глаза. Но прочитать что-то на этом лице сложно. Нет ни злобы, ни радости... Нет ни отчаянной решимости, ни растерянности. Непроницаемое лицо. Значит, и натура у эмира сложная. Что же, обстоятельства покажут, на что Мадаев способен при критическом обострении ситуации... Но в любом случае от человека с таким лицом никогда не следует ожидать истерики и нелогичного поведения. Если истерика вдруг появится, можно быть уверенным, что она просто выгодна в данный момент и искусно разыгрывается. И следует быть тройне осторожным, потому что следующий шаг может быть непредсказуемым.

* * *

– Почему он не блокирует другие входы? – не понимает Сохно поведения Мадаева. – Он обязан все выходы заблокировать, если выставлен позаботиться о безопасности!

Эмир со своей группой уже поднялся на площадку к главному входу и коротко, тихо, без жестикуляции, дает указующие команды. Боевики слушаются этих команд без возражений и обсуждения – дисциплина в джамаате армейская в лучшем понимании этого слова. Отдав распоряжения, эмир Абдул смотрит на часы, отходит в сторону и начинает звонить по спутниковому телефону. Докладывает неведомым абонентам обстановку. Все, как Макаров и предупредил. Сеансы связи в строго определенное время. Если сеанс по какой-то причине не состоится, абоненты к пещерам не пойдут. И это значительно усложняет спецназу жизнь. Приходится долго выжидать и только потом уже, в самый короткий момент времени, необходимо будет выполнить свою задачу.

– Это просто халатность. Уверенность в собственных силах и недооценка противника. Нас с тобой то есть недооценка, – констатирует Макаров. – Я не люблю, когда меня не уважают, но приветствую случаи, когда меня недооценивают...

– А мы случаем не успеем перебраться через хребет и войти в пещеры с другой стороны? – интересуется Сохно. – Я не против того, чтобы похлопать этого эмира по спине и передать привет от местного прокурора... Он такую шутку, надеюсь, поймет правильно.

– Если бы вышли ночью сразу туда, могли бы успеть... Но в пещерах тоже можно поблуждать, отыскивая проходы. Без подробной карты есть риск провалить все дело.

– У меня традиционно правильная ориентация под землей. Это уже много раз в твое отсутствие проверено, в том числе и в местных горах. Я бы и сейчас попробовал... Ты один здесь, как, справишься?

– А если Мадаев все же выставит в последний момент по посту на каждый вход? Ты идешь с той стороны. Неизвестно, к какому выходу подбираешься. Я с этой. Тоже неизвестно, к какому буду подбираться, потому что ориентироваться следует именно по существующим постам. К тому же неизвестно, сколько времени тебе потребуется на поиск. Как я ориентируюсь?

– Сами распылим силы.

– Да. Мне кажется, не стоит усложнять ситуацию. Надо дождаться, когда эмир сам расставит своих. Если не расставит, сначала заминирuem свободные норы – потом атакуем его. Наша позиция выгоднее. А если мне удастся свеситься со скалы, накрою их всех сразу...

– Хорошо бы уже сейчас накрыть.

– Не будем мечтать. Он наверняка должен звонить им до того времени, когда группы выйдут в диапазон прямой видимости. Если в какой-то момент не позвонит, группы свернут в разные стороны, и ищи их потом по всей Чечне, а то и по России...

– Все понимаю... А душа праздника просит. С фейерверком. Лежать на камнях устал... Не меньше тебя, наверное.

– Потерпим...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1

Басаргин возвращается вместе с Тобако.

– Припозднился, – мрачно говорит Андрею Доктор Смерть, словно сам он прибыл вовремя и ждет только момента, когда все соберутся, чтобы устроить общий разнос, поскольку командир такие разносы не устраивает.

– Я с утра заглянул к бывшему сослуживцу. Он сейчас в финансовой разведке работает. Попросил данные по крупным покупкам со стороны людей, у которых таких покупок быть не должно. А до этого заглянул к генералу Асафьеву, чтобы тот попросил моего бывшего сослуживца сработать оперативнее. Оказывается, генерал уже сам к нему обращался, только Владимира Васильевича не покупки интересовали, а перечисления крупных сумм, не соответствующие выполненной работе. Знаете, как это обычно бывает...

– Знаем, – согласно кивает Басаргин. – Пятьсот тысяч долларов за оказание информационных услуг или что-то подобное.

– Вот-вот.

– Я не понимаю другого. – Басаргин недовольно и подозрительно смотрит сначала на Доктора, потом на Пулата. – Чем тебя заинтересовали крупные покупки?

– Психологический момент, – объясняет Тобако. – Я исходил из предпосылки, согласно которой человек, отправляющийся на опасное задание, получив перед этим хорошую оплату своего черного труда, не знает, что с ним будет после выполнения задания... Большинству рискованных людей захочется сделать какой-то широкий жест ради собственного удовольствия – это естественный эмоциональный выплеск. Или крупно поиграть, например, в казино, где или никогда не играл из-за хронического отсутствия денег, или где, наоборот, все и всегда спускал до последнего. Варианты разнятся... Или купить что-то такое, что выходит за обычные нормы покупок... Поскольку проверить все казино я возможности не имею, кроме того, если в каком-то казино и шла крупная игра, то игроки, как правило, не оставляют визитных карточек, то я пошел по пути наименьшего сопротивления и решил остановиться на покупках.

Басаргин устало садится за стол.

– Если вы не сговорились и не разыгрываете меня, то я сдаюсь. Если сговорились, всех уволю, так и знайте.

– В каком смысле? – не понимает Тобако.

– Ты тоже пришел рассказать о покупке двумя чеченами такой мелочи, как «летающая шпора»? Я правильно тебя понял?

Тобако непонимающе осматривает всех по очереди.

– Да... Но...

– Без всяких «но»! Выкладывай дальше.

– Вы-то как на них вышли?

– Каждый по-своему, – детально отвечает Доктор Смерть. – Но – исходя из тех же самых соображений... Риск требует себе подпитки в вещественном плане. Переход энергии риска в энергию удовольствия, как объяснил бы нам обалденный эзотерик Дым Дымыч Сохатый.

– Понял. Мыслим одинаково. Надеюсь, что не все мы дураки... Итак, два человека – Муса Раздоев и Халил Мадаев – купили себе по «Бентли». Автомобильные фирмы обязаны сообщать о таких крупных покупках один раз в месяц, и нам просто повезло, что момент отчета совпал с моментом нашего интереса. Деньги им были перечислены два дня назад от одной и той же арабской компании, производящей оборудование для нефтедобывающих предприятий.

Платежи обозначены как процент посреднику от сделки. Но следов самой сделки финансовой разведке найти не удалось. Получили ребята по пятьсот тысяч долларов, как уже сказал наш командир.

– Я сказал только образно, в виде примера.

– Тем не менее попал в точку. Процент посреднику от сделки – это то же самое, что информационные услуги. Здесь ты тоже – в точку. Перечисление официальное, облагаемое налогом. Как положено индивидуальным предпринимателям, налог минимальный. Должно быть, вскоре будет уплачен, если вообще будет уплачен. Времени может на это не хватить. Да и мы можем поторопиться, чтобы не дать им времени отчитаться перед финорганами. Ребята обналичили средства полностью на следующий день после перечисления. Что тоже говорит об излишней торопливости. Время у них, похоже, ограничено...

– И еще жену в Осло, – добавляет Доктор Смерть. – Тоже торопится.

– Про Осло я не знаю, – отвечает Тобако.

– Один из них, кажется, Мадаев, отправил вчера жену в Осло и дал ей денег на покупку дома. Сам не едет. Пока. Но, думаю, надеется вскоре попасть туда же... В Норвегии сильная чеченская диаспора. С ними поработать бы нашим из Лиона...

– Твои предложения? – спрашивает Басаргин. – Я пока не вижу никаких зацепок по этим парням. Мало ли, какие могут быть законные, незаконные или не совсем законные сделки... Нет никаких данных о причастности этих чеченов к терроризму.

– У меня нет возможности проверить их. Этим занимается сейчас управление антитеррора. Я потому и задержался так, что пришлось снова к Астахову ехать. Наша задача – проверить фирму, что выплатила деньги... Думаю, Лиону это вполне по силам.

– Данные принес? – спрашивает Доктор Смерть и, не думая долго, выдвигает в компьютерном столике подставку с клавиатурой.

Тобако выкладывает на стол две ксерокопии платежных поручений, и Доктор начинает набирать запрос.

Сразу после этого звонит телефон. Генерал Астахов интересуется новостями.

– Мы отправили запрос в Лион, товарищ генерал, – отвечает Басаргин. – Думаю, даже при том, что Лион сам нас торопит с этим делом, ответ возможен не раньше вечера. А что у вас?

– Проверяем по всем каналам... К сожалению, слишком мало данных на этих парней... Машины в настоящее время проходят государственную регистрацию. Оба владельца под приглядом наших сотрудников. Больше пока ничего нет... По Азербайджану у вас ничего?

– Мы еще вчера отправили ваши данные в Лион, Лион, естественно, связался с тамошними нашими сотрудниками. Они работают самостоятельно, и нас в курсе дела не держат.

– Хорошо. Лишняя информация им не мешает...

– Лишняя?

– Капля воды, говорят, камень точит. Там очень непростая ситуация. Мы тоже связались по своим каналам со службами безопасности Азербайджана – с разными, чтобы продублировать результат. Но там уверены, что это какая-то провокация Армении, желающей поссорить их с чеченами. Спецслужбы Азербайджана все еще не оставляют мысли использовать чеченских боевиков в Карабахе, чтобы хотя бы вернуть утраченное. Кроме того, к нашим словам относятся предвзято. Они ослеплены предстоящими американскими вливаниями и не хотят видеть очевидного – того, что эти вливания настраивают против них уже не чеченцев, а «Аль-Каиду». А действовать «Аль-Каида» на территории Азербайджана может и через местных исламистов, которые там тоже кое-что значат, и через чеченцев. Объединившись, они представляют собой серьезную силу, а правительство у них не слишком крепко стоит на ногах... К сожалению, мы не имеем возможности повлиять на события, потому что все наше влияние рассматривается как сопротивление размещению американских военных баз в Азербайджане, и это способно испортить нам отношения вдобавок и с американцами.

– Мы тоже, товарищ генерал, не пользуемся в том районе серьезным влиянием... Сами прекрасно знаете, что это за место для работы...

– Ладно, на этом закончим. Появятся новости, сообщайте сразу. Я, в свою очередь, обещаю и вас не держать на голодном пайке.

– Ваши бы слова, да в виде приказа вашим же сотрудникам...

Едва Басаргин отключает спикерфон на телефонном аппарате, как раздается звонок в дверь. Открывать выходит Пулат и возвращается в сопровождении Ангела и Зураба. Оба новоприбывших выглядят озабоченными.

– Есть новости, – начинает Ангел, едва переступив порог.

– Если вы успели договориться с нами о розыгрыше, то командир уже сдался, – привычно вежливо предупреждает Пулат.

– Не понял? – Ангел вопросительно поднимает брови и осматривает всех.

– Пулат ведет речь о том, что предстоящий риск требует увеличенного количества удовольствий накануне момента риска, – туманно объясняет Тобако.

– Это естественно, – соглашается Ангел. – Но мы с Зурабом, даже при том, что оба люди слегка рискованные, на удовольствия время тратить себе не позволяем. И потому еще вчера вечером, когда я, по доброте душевной, отвезил его домой, Зураб предложил мне навестить старых знакомых, на которых я тренировался в овладении чеченским языком.

При проведении одной из операций Ангелу пришлось использовать свою чернявую волосяную внешность, доставшуюся ему от папы-болгарина, и выдавать себя за чечена по отцу. Естественно, с помощью Зураба ему пришлось и чеченский язык изучать. Это знают все в бюро, и потому вопросов относительно общих знакомых не возникает. Понятно, что это чечены.

– И засиделись в гостях до утра? – предполагает Басаргин. – Потому требовалось время, чтобы привести себя в порядок и выглядеть утром не совсем побитыми...

– Не так, чтобы очень уж до утра, но во втором часу ночи я Зураба все же отправил домой. И заехал за ним в семь утра, чтобы продолжить интересный ночной разговор в другом месте и с другими людьми.

– Ну и болтливый же ты, – ворчит Доктор Смерть. – Говори короче – что у тебя по этим «летающим шпорам».

Брови Ангела снова взлетают на самый лоб.

– Откуда вы знаете про эти «Бентли»?

– Уже по радио передавали. – Доктор Смерть кладет руку на компьютер, намекая на то, что его техника знает все и доносит вести чуть раньше, чем они свершатся.

– А если серьезно?

– А если серьезно, – объясняет Басаргин, менее других склонный к бестолковой пикировке словами, – то все остальные, кроме меня и Сохатого, самостоятельно вышли на этих парней, что купили себе по «Бентли». Но информации по самим парням у нас практически нет. Вся надежда на тебя и Зураба. И еще чуть-чуть на генерала Астахова. Он тоже сейчас собирает на них сведения. Хотя... Относительно Сохатого я, может быть, поторопился. Он еще не показывался.

– В том-то и дело, – говорит Зураб, – что парни ничего собой не представляют. Не им иметь такие машины... Им можно только на «жучках» ездить... Да и то на таких, что одометр по третьему кругу крутят. Другую никто им не доверит...

– Мне они именно такими и показались, – соглашается Пулат. – Я удивился внешнему несоответствию хозяев и машин.

– Отобрать у пацана сотовый телефон, вырвать у женщины сумочку – это их работа... – продолжает Зураб. – До войны галоши у соседей воровали. Просто мелкая шпана, которая всегда была на подхвате у серьезных людей. Если что-то предстояло, их брали на роль статистов,

чтобы в стороне постояли и изображали собой поддержку. И никогда у них не было в руках серьезных денег. Достаточно серьезных, чтобы простейшую машину себе купить. Ну, на права они, предположим, набрать в состоянии, потому что получить права законно они не смогут никогда... И только на права, но не более.

– Стоп-стоп! – Доктор гудит, как маневровый тепловоз. – По нашим данным, оба зарегистрированы как индивидуальные предприниматели и имеют какое-то отношение к нефтеперерабатывающим заводам в Татарии и Башкирии. Прошу заметить – тоже нефтеперерабатывающие предприятия, как и в случае с Азербайджаном. Допускаю случайность. Допускаю, но предлагаю проверить эти данные.

– Они? Предприниматели? – удивляется Зураб. – Не поверю, и никто из местных чечен не поверит. Оба по шесть классов не закончили. Здесь какая-то путаница...

– И достаточно удачливые предприниматели, – добавляет Тобако. – По крайней мере, по данным финансовой разведки, деньги у них всегда водились. Не очень большие, но водились. Приходили на счет, уходили со счета. Большинство платежей осуществлялось «по безналичке». Но это вовсе не говорит о том, что они наличных не имели. Временами деньги снимали и тратили, сколько им надо. В пределах, вполне достаточных для покупки приличной «жучки».

– Не знаю... Не знаю... – качает в сомнениях головой Зураб. – Мне их представили совсем в другом виде. Единственная зацепка – Халил Мадаев племянник эмира Абдула Мадаева, не очень крупного и ничем не примечательного, кроме своей осторожности, полевого командира. Но Абдул Мадаев воюет в горах. То, что он делает, хотя и характеризуется как террористический акт, по сути дела, является обыкновенной партизанской войной. По большому счету, его трудно отнести к откровенным террористам. О связи Абдула и Халила я ничего не знаю. Что касается предпринимательской деятельности, я опять утверждаю, что здесь какая-то путаница.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.